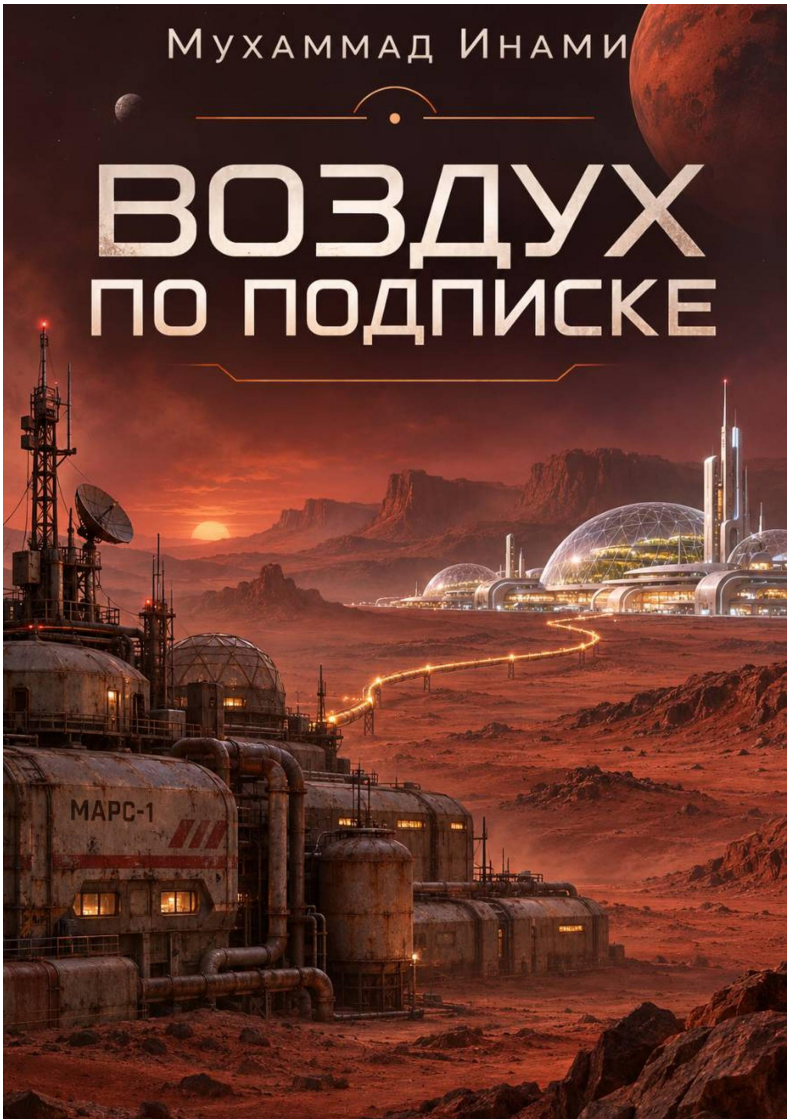
Мухаммад Инами

ВОЗДУХ ПО ПОДПИСКЕ

Мухаммад Инами
Воздух по подписке

https://litres.ru/74747953
SelfPub; 2026

Аннотация

Два города на Марсе. Один аварийный резерв. И два обещания, которые невозможно выполнить одновременно.

Инженер Адам Рахман обнаруживает ошибку в системе, от которой зависят тысячи жизней. На бумаге оба города защищены. В действительности, если помощь потребуется одновременно, одному из них может не хватить резервной мощности.

Но самое неприятное открытие ждёт Адама в старых документах. Под одним из опасных согласований стоит его собственная подпись.

Теперь ему предстоит доказать, что система небезопасна, прежде чем случится непоправимое. Однако Первый Марс рискует потерять жилые кварталы, Второй — производство и будущее, а его собственная дочь оказывается по другую сторону конфликта.

И чем ближе Адам к решению, тем яснее становится: спасти оба города — не значит спасти всё, что дорого их жителям.

На Марсе воздух есть у каждого. Но кто гарантирует, что так будет завтра?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УКРАДЕННЫЙ ВОЗДУХ 4
Глава 1. Пока горит зелёный 4
Глава 2. Чужая нагрузка 17
Глава 3. Новый дом 28
Глава 4. Девять лет назад 45
Глава 5. Комплекс-2 65
Глава 6. Дочь 88
Глава 7. За наш счёт 106
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОЙНА ЗА БУДУЩЕЕ 130
Глава 8. Те, кто остаётся 130
Глава 9. Не чужие долги 148
Глава 10. Два адреса 169
Конец ознакомительного фрагмента. 179

Мухаммад Инами
Воздух по подписке

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УКРАДЕННЫЙ ВОЗДУХ

Глава 1. Пока горит зелёный

Первое, что Адам услышал утром, был стук.

Три удара, пауза, ещё два. Так стучал только Патрик О'Коннор, хотя сколько раз Адам говорил ему, что возле двери есть кнопка вызова.

Он открыл глаза. 06:17.

— Иду.

Патрик стоял босиком, с домашним контроллером в руке. Второй рукой он придерживал полу халата.

— Я на минуту. Спальню перестал видеть.

— Кто?

— Контроллер. Кто же ещё?

— А я подумал, ты.

— В шесть утра особенно смешно.

Адам пропустил соседа внутрь. Тот немедленно начал

объяснять, что всё произошло само собой. За объяснением обнаружилось падение устройства с кухонной полки, затем ещё одно — уже после того, как Патрик попытался его включить.

Адам снял крышку. Отошёл контакт. Ничего сложного.

— Ты же его ронял, — сказал он.

— Не в этом дело. После обновления всё стало хуже.

— Патрик, вот эта вмятина — тоже от обновления?

— Не придирайся.

Контроллер включился. На экране обозначились две комнаты, температура и состояние жилой атмосферы. Возле обеих комнат загорелись зелёные значки.

— Готово.

— А это? — Патрик показал на уведомление.

«Изменение инфраструктурного взноса со следующего расчётного периода».

— Сколько теперь? — спросил Адам.

— В этом и дело. Пока докопаешься, сколько, они уже успеют списать.

Патрик подвинул контроллер ближе. Внизу значились четыре строки: эксплуатация, вода и энергия, гарантированное резервирование, обновление инфраструктуры. Последние две выросли. Патрик ткнул в них пальцем с обломанным ногтем.

— Первые две я хотя бы понимаю. Вода у меня бежит, свет горит. А резервирование? За то, чтобы воздух не кончился?

— За оборудование и запас мощности на случай отказов.

— То есть воздух по подписке, — сказал Патрик. — Каждый месяц платишь, чтобы тебе разрешали дышать.

— Не путай. Ни у кого не отберут воздух за просроченный счёт. У каждого города своя система жизнеобеспечения. Плата здесь за обслуживание и обещанную готовность запасных мощностей, когда что-нибудь сломается.

— Очень хорошо. Тогда почему у меня дорожает именно обещание? Если я плачу за готовность, покажите мне, кто и когда её проверял.

Адам собирался ответить привычной фразой про действующие протоколы. И вдруг понял, что лично не видел последнего подтверждения внешнего резерва.

— Проверю, — сказал он.

— Оборудование в прошлом месяце уже было.

— Было.

— И в позапрошлом?

— Патрик…

— Нет, ты объясни, почему оно дорожает, когда ничего не случилось.

Адам посмотрел на сумму и неожиданно для себя сказал:

— Не знаю.

Патрик хмыкнул, будто услышал именно то, что хотел.

— Вот. Значит, спрошу на собрании. Чай будешь?

— Я на работу.

— Сейчас шесть двадцать.

— Значит, успею позавтракать дома.

— У тебя дома нечем.

Патрик был прав. Адам попрощался прежде, чем сосед успел это доказать.

В коридоре пахло тёплым хлебом из общей кухни. У стен медленно двигалась уборочная машина. Над дверью шлюзового перехода горел зелёный индикатор.

Адам почти никогда не смотрел на него. В первом городе зелёный горел столько лет, что стал частью обстановки — как светильники, поручни и приглушённый шум вентиляции.

В детстве Адам однажды спросил отца, что случится, если зелёная лампа погаснет.

«Загорится другая», — ответил тот.

Тогда Адаму показалось, что отец уходит от ответа.

Теперь он знал: хороший ответ на вопрос об отказе системы почти всегда начинается с другой системы.

* * *

В техническом центре Лина Морено сидела на корточках перед раскрытой панелью, придерживая зубами колпачок от маркера.

— Доброе утро, — сказал Адам.

Она вынула колпачок.

— Пока да. Ты вчера четыре датчика заказал?

— Четыре.

— Приехали три. Склад уверяет, что четвёртый существу-

ет на бумаге.

— Очень современный датчик.

— Я тоже оценила.

Адам поставил сумку под стол. На стене светилась схема третьего эксплуатационного округа: жилые сектора, распределительные узлы, линии питания. Несколько жёлтых значков обозначали плановое обслуживание. Красных не было.

Лина закрыла панель и потянулась к кружке, когда прозвучал короткий сигнал.

Один узел схемы стал жёлтым.

А-13. Отказ преобразователя основного ввода. Резервное питание включено.

— Тринадцатый, — сказала Лина.

Адам подошёл к её экрану.

— Время переключения?

— В пределах допуска. Питание непрерывное. Очистка работает. CO_2 в норме, давление тоже.

— Значит, жителей не тревожим. Электриков отправила?

— Уже едут.

Он открыл кривую напряжения. Переключение прошло чисто, без провала. Защита отработала так, как её учили.

— Хорошо, — сказал он.

— Не совсем.

Лина развернула второй журнал.

— При переходе система проверила готовность резервной группы. Местный источник подтвердился, межсектор-

ный тоже. А внешний — только маршрут.

— Маршрут чего?

— Запроса к внешнему резерву. Подтверждения фактической готовности в записи нет.

— Для этого отказа он и не требовался.

— Знаю.

— Возможно, изменили протокол.

— Возможно. Но почему тогда наш акт испытаний ссылается на старый формат подтверждения?

Адам посмотрел на дату акта. Подписан три недели назад.

— Дай мне журнал. Разберём после преобразователя.

— Я уже думала, ты скажешь «после обеда».

— Это и значит после обеда.

— У тебя обед бывает?

— Когда ты перестаёшь разговаривать.

Лина выразительно посмотрела на часы. Адам ушёл к своему столу.

* * *

К полудню выяснилось, что в блоке А-13 отказал датчик положения контактора. Сам преобразователь был исправен. Защита отключила ввод потому, что не получила достоверного подтверждения его состояния. После замены датчика и испытаний инженеры восстановили штатную конфигурацию.

Молодой электрик Лукас убирал инструмент с таким разочарованием, словно рассчитывал встретить неисправ-

ность гораздо интереснее.

— Три часа ради одного датчика, — сказал он.

— Лучше три часа ради датчика, чем три дня ради твоей ошибки, — отозвалась Лина.

— Я вообще-то всё правильно сделал.

— Вот и продолжай.

Лукас отправил Адаму проверочный журнал.

— Кстати, внешний узел и при повторной диагностике странно ответил.

— Ошибка?

— Нет. Код маршрута есть, ответ о готовности пустой. Может, у них новый шлюз данных.

— Может. Спасибо.

— Только если вы найдёте там что-нибудь, я в отпуске.

— Завтра твоя смена.

— Поэтому и предупреждаю.

Адам улыбнулся. Лукас ушёл, а Лина задержалась возле экрана.

— Будешь запрашивать протокол у второго комплекса?

— Да.

— Лучше официально. Они не любят, когда к ним лезут через диспетчеров.

— Я и не собирался лезть.

— По лицу собирался.

* * *

По пути домой Адам зашёл к Закарии Хаддаду.

Дверь открылась только после второго вызова.

— Кто там?

— Санитарная инспекция.

— Поздно. У меня уже всё съедено.

Закария впустил его в квартиру и вернулся к столу, на котором лежал разобранный механический таймер. Ему было шестьдесят четыре, но он по-прежнему держал рабочие инструменты в таком порядке, что Адам мог с закрытыми глазами найти нужную отвёртку.

— Зачем тебе этот хлам? — спросил Адам.

— Тикает.

— Встроенный таймер не тикает.

— Именно.

Закария налил чай и подвинул тарелку сухих лепёшек.

— Ел?

— Да.

— Что?

— Патрик с утра контроллер уронил.

— Это не еда.

— Вот именно.

Закария засмеялся, и Адам взял лепёшку.

За прозрачной перегородкой был сад тринадцатого сектора. Искусственный день длился здесь чуть дольше, чем в некоторых новых жилых модулях, и жители давно перестали замечать разницу. Под лампами росли невысокие деревья. Мальчик на дорожке упорно запускал маленькую машинку,

которая переворачивалась на одном и том же повороте.

— Ева звонила? — спросил Закария.

— На прошлой неделе.

— Как она?

— Новый проект ведёт. Довольна.

— А ты?

— Я тоже.

— Ты ей сказал?

Адам задумался.

— Кажется.

— Значит, нет.

— Закария, не начинай.

— Я ещё ничего не начал. Ты сам заговорил, что она довольна.

Они помолчали. Через стену прошла привычная низкая вибрация циркуляционного насоса.

— У нас сегодня блок питания очистки переключался, — сказал Адам.

Закария поднял голову.

— Тринадцатый?

— Ага. Датчик. Всё уже восстановили.

— Новые резервы подключили?

— Они давно в программе.

— Я не про программу.

Адам допил чай.

— Я проверяю сейчас одну вещь.

— Что-то серьёзное?

— Скорее документы. Внешний резерв отвечает не так, как должен по старому протоколу.

— Его видели на испытании?

— Акт есть.

— Это я понял. Я спросил, его видели?

— Не знаю, кто именно присутствовал.

Закария кивнул и посмотрел в сад. Машинка наконец прошла поворот. Мальчик вскинул руки, но тут же опустил их: в следующий момент она врезалась в бордюр.

— Когда мы первый узел здесь сдавали, — сказал Закария, — однажды акт подписали раньше, чем привезли таблички на шкафы. Таблички, понимаешь. Ничего опасного. Но я заставил их переподписать после монтажа.

— Ты любил портить людям жизнь.

— Ещё как. А потом люди шли домой и не думали о наших шкафах.

— С тех пор многое изменилось.

— Надеюсь. — Закария помолчал. — Ты только сам видел новую установку?

— На втором комплексе давно не был.

— Значит, съезди.

— Может, и съезжу.

Закария повернул таймер в руках.

— И поешь нормально. Ты всегда хуже думаешь голодным.

Адам хотел возразить, но понял, что наставник уже закончил разговор.

* * *

В техническом центре горел дежурный свет. Лина оставила сообщение: «А-13 закрыт. По внешнему резерву запрос отправлен. Ответ завтра. Не ночуй здесь».

Адам открыл журнал утреннего переключения.

Основной ввод — отказ.

Местный резерв — включён.

Межсекторный источник — готовность подтверждена.

Внешний резерв — маршрут подтверждён.

Это были разные вещи, и по отдельности каждая запись выглядела объяснимо. Внешний резерв не понадобился. Готовность могли проверять в другом контуре. Протокол могли обновить.

Адам нашёл действующий акт подтверждения резерва. В нём указывалась мощность, которую первый город имел право рассчитывать получить при определённых сочетаниях отказов: восемь мегаватт.

В приложении вместо результатов прямой проверки стояла ссылка на отчёт оператора Комплекса-2.

Он нажал на неё.

Доступ ограничен.

Проверил ещё раз через технический реестр. Ссылка вела к тому же закрытому архиву.

Адам открыл историю схемы. В старой редакции источ-

ник обозначался как резерв первого города, предоставляемый из нового комплекса. В последней редакции рядом появилась ссылка на промышленное приложение.

Промышленная нагрузка. Приложение 14-Б.

Самого приложения в доступной документации не было.

Он прочёл название ещё раз.

Не было доказательств, что резерв занят чужими нагрузками. Не было доказательств, что договор нарушен. Отсутствовал всего один набор подтверждений, который мог храниться там, где ему и положено.

Но у его отдела имелся действующий акт, подписанный так, словно нужная проверка уже проведена и её результаты доступны.

Адам составил служебный запрос, затем стёр слово «нарушение». Оснований для него пока не было.

Написал: «Прошу предоставить подтверждение доступности резервной мощности в расчётных режимах одновременного ограничения генерации, включая действующую редакцию приложения 14-Б».

Перечитал. Отправил.

В ответ появилось уведомление о регистрации запроса. Ответственным подразделением значился оператор Комплекса-2.

Он выключил один экран, но второй оставил открытым на схеме. За стеной шумели насосы; по коридору прошла транспортная платформа. В третьем секторе дети, наверное, за-

канчивали занятия, Патрик снова ругался на контроллер, а Закария разбирал свой бесполезный таймер.

Город жил как обычно.

На схеме ни один индикатор не изменил цвет. Адам навёл указатель на внешний резерв. Под зелёным знаком появилась надпись: «Маршрут подтверждения доступен».

Он подождал, будто следующая строка могла появиться сама.

Больше ничего не появилось.

Глава 2. Чужая нагрузка

На третий день ответа всё ещё не было.

Адам проверил статус запроса утром, потом перед обедом и ещё раз после совещания, на котором сорок минут обсуждали закупку уплотнителей. Заявку никто не отклонил. Её приняли в работу и передали в отдел межпоселенческого обеспечения.

Лина заметила, что он смотрит на терминал.

— Если нажмёшь ещё раз, быстрее не станет.

— Я не нажимаю.

— Ты даже глазами нажимаешь.

Адам закрыл окно.

— Покажи новый журнал А-13.

— Чистый. Лукас повторил проверку в ночную смену. Основной ввод держится, резерв в готовности.

— Внешний?

— Всё тот же код маршрута. Адам, блок исправен. Давай не смешивать два вопроса.

Он хотел возразить и понял, что Лина права. Отказ датчика был устранён. Проблема с подтверждением внешнего резерва существовала отдельно и могла обнаружиться в любую другую дату.

— Не смешиваем, — сказал он. — Мне нужна история проверок по этому резерву за год.

— Уже выгрузила.

Лина указала на папку в общем хранилище.

— И заодно спросила диспетчерскую, когда они последний раз получали прямое подтверждение. Угадай.

— Не получали?

— Получали. По их словам, ежемесячно. Только подтверждение идёт не на наш терминал, а в сводный отчёт оператора.

— Тогда пусть дадут сводный.

— Это и есть твой запрос.

Адам сел. Лина осталась стоять, будто ждала продолжения спора.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Просто ты сегодня ещё не сказал, что кто-то обязательно что-то скрывает.

— Я такого не говорю.

— Хорошо.

Она ушла к своему месту. Адам открыл выгрузку.

Двенадцать проверок. Двенадцать отметок «готовность подтверждена». И каждый раз — ссылка на тот же внешний источник данных, которого в местном архиве не было.

Само по себе это не нарушение. Никто не обязан хранить копию каждого документа в каждом городском подразделении. Но Адаму было необходимо понять, что именно подтверждали: наличие исправной установки или возможность предоставить первому городу оговорённую мощность в нуж-

ный момент.

Между этими утверждениями лежала разница, которую невозможно было увидеть по зелёному значку.

* * *

Диспетчер общего энергетического узла появился на связи через пятнадцать минут. Его звали Элиас Морган; Адам знал его по ежегодным испытаниям, но лично они встречались редко.

— Адам, привет. Лина предупреждала. Что у вас там случилось?

— Ничего. А-13 проверяли. Мне нужно подтверждение внешнего резерва.

— Так он подтверждён.

— Чем?

— Отчётом оператора. Ты же видишь статус.

— Я вижу маршрут подтверждения. Мне нужны параметры.

Элиас помолчал.

— Какие именно?

— Доступная мощность, условия предоставления, ограничения по промышленной нагрузке. И редакция сценариев отказа.

— Сценарии у вас свои.

— А резерв общий.

— Слушай, у меня нет этих приложений. У нас диспетчерская, не юридический архив. Я вижу, что на внешнем уз-

ле всё исправно. Вчерашняя телеметрия тоже нормальная.

— Это я не оспариваю.

— Тогда в чём вопрос?

— Можно иметь исправные двенадцать мегаватт и обещать их пятнадцатью способами.

Элиас коротко засмеялся.

— Ты опять за своё.

— За что?

— За фразы, после которых людям приходится проверять три шкафа и двадцать документов.

— Иногда достаточно одного документа.

— Так найди владельца. Я пришлю то, что вправе отправить.

— Пришли.

Связь закончилась. Через несколько минут пришёл файл с текущими параметрами внешнего узла. Давление теплоносителя, состояние автоматики, выходная мощность в момент проверки, доступность каналов связи. Все показатели нормальные.

И ни одного слова о том, кому и в каких условиях обещан резерв.

Адам поблагодарил Элиаса.

Тот ответил: «Скажи Лине, что я не прятал воздух».

Адам показал сообщение коллеге.

— Вот видишь, — сказала она. — Уже шутят.

— Пока не смешно.

— Поэтому и шутят.

* * *

На следующее утро Адаму позвонил начальник эксплуатационного округа Сэмюэл Брукс.

— Зайди ко мне с отчётом за месяц.

— В какой части?

— Весь принеси.

Брукс занимал маленький кабинет без окон, зато с настоящим деревянным столом. Стол несколько лет назад привезли из списанного административного модуля. Сэмюэл отказывался менять его на новый: говорил, что у деревянных вещей хотя бы видно, где у них износ.

На столе лежал акт планового подтверждения инфраструктурной готовности.

— Подпиши сегодня, — сказал Брукс. — До конца смены нужно закрыть квартальный пакет.

Адам пролистал документ.

В разделе по А-13 значилось, что неисправность устранена, контрольные проверки выполнены. Всё верно. Ниже стояла общая формулировка о сохранении гарантированного резервирования округа.

— Здесь у меня замечание.

— Какое ещё?

— По внешнему резерву подтверждающие материалы не предоставлены.

Брукс потёр лоб.

— Адам, блок же работает?

— Работает.

— Резервное переключение прошло?

— Да.

— Люди в порядке?

— Конечно.

— Тогда что мы сейчас обсуждаем?

Адам развернул терминал к нему.

— В акте две разные вещи: исправность нашего оборудования и доступность межпоселенческого резерва. Первое подтверждаю. Второе — после документов.

— Ты же знаешь, кто ведёт внешний узел.

— Знаю.

— У них лицензия, инженеры, проверки.

— Именно поэтому у них должны быть материалы.

Брукс некоторое время смотрел на него.

— Мы сейчас из-за отсутствия приложения задержим весь пакет?

— Можно разделить подтверждения и отправить отчёт с замечанием.

— Тогда они попросят пояснения.

— Поясним.

— Потом пригласят на комиссию.

— Возможно.

— А потом мне будут звонить люди, которые и так считают, что мы тормозим каждый ремонт.

Адам молчал.

— Тебе легко, — сказал Брукс. — Ты напишешь «не подтверждено» и пойдёшь домой. А я буду объяснять, почему отдел с исправным оборудованием не подтвердил готовность.

— Я могу остаться на звонок.

Брукс посмотрел на него так, будто тот намеренно не понял главного.

— Ты уже остался.

Он забрал терминал, несколько раз перелистнул отчёт и наконец кивнул.

— Раздели. Подтверждение местных систем выпускаем. По внешнему поставь оговорку. Только напиши её так, чтобы никто не решил, что мы завтра умрём.

— Так и напишу.

— И Адам…

— Да?

— Если это просто ошибка в архиве, я с тебя неделю кофе потребую.

— Если не ошибка?

— Тогда потребуешь ты.

* * *

Вечером Лина принесла ещё одну выгрузку.

— Нашла кое-что в открытой части производственного реестра.

Она показала Адаму график нагрузки Комплекса-2.

— Здесь в прошлом году добавили испытательный участок. А ещё раньше — линию с непрерывным циклом. Общая промышленная нагрузка выросла.

— Это публичные показатели?

— Сводные. Без коммерческих деталей. Мне их прислали из технического планирования.

Адам поставил рядом старый отчёт о резервировании.

— Рост нагрузки ещё ничего не доказывает. У них могли появиться новые источники.

— Могли. Поэтому вот второй файл.

Она открыла перечень введённых мощностей. В нём действительно появились новые энергетические объекты, но их вклад рассчитывался для штатной работы и не объяснял всех изменений в аварийных режимах.

— Я не могу сказать, что они используют наш резерв, — сказала Лина. — И ты не можешь.

— Не говорю.

— Но кто-то должен показать, как оба графика сходятся.

Адам увеличил две строки. В первом городе восемь мегаватт учитывались как гарантированная дополнительная мощность. В промышленном документе второго комплекса говорилось о собственных обязательствах по резервированию новых нагрузок. Размер этих обязательств в открытом файле не приводился.

Он вдруг почувствовал почти детское раздражение: вся система была перед глазами, кроме одного маленького места,

где линии должны были соединиться.

— Знаешь, что меня больше всего бесит? — спросил он.

— Что документов нет?

— Что они наверняка у кого-то есть. И этому кому-то всё кажется совершенно понятным.

— Может быть, так и есть.

— Тогда он нам объяснит.

Лина села на край стола.

— Только не превращай это в охоту за виноватым. У нас пока нет виноватого.

— Я знаю.

— Ты говоришь это так, будто очень хочешь, чтобы он появился.

Адам не сразу ответил.

— Я хочу, чтобы в отчёте было то, что в действительности существует.

— Вот этого и держись.

* * *

На пятый день официальный ответ наконец пришёл.

Адам открыл сообщение прямо во время обеда. Лина сидела напротив и пыталась убедить его, что холодная еда не становится полезнее от того, что он смотрит в терминал.

В письме подтверждалось получение запроса. Оператор сообщал, что сведения о резервной доступности включают технические и договорные условия совместной инфраструктуры. Для ознакомления предлагалась очная проверка при

участии уполномоченных специалистов.

Отдельным пунктом указывалось: материалы, содержащие коммерческие условия промышленных потребителей, нельзя распространять вне согласованной процедуры. При этом право передать сведения компетентному органу надзора сохранялось.

— Нормальный ответ, — сказала Лина, прочитав через плечо.

— Пока да.

— Даже слишком нормальный. Кого назначили?

Адам пролистнул письмо до конца.

Ответственным за организацию встречи значилось управление стратегической инфраструктуры. Ниже стояло имя руководителя согласования.

Адриан Сорен.

Лина присвистнула.

— Сам?

— Похоже.

— Может, хочет познакомиться с человеком, который попросил приложение четырнадцать-бэ и не согласился взять вместо него зелёную лампочку.

Адам прочёл письмо ещё раз.

Сорен возглавлял компанию, которая строила Второй Марс. Такие люди редко занимались запросами о форматах телеметрии.

На экране появилась вторая строка: приглашение на

встречу в административном комплексе корпорации через четыре дня.

— Пойдёшь? — спросила Лина.

— Конечно.

— Тогда сегодня поешь.

Адам посмотрел на тарелку.

Еда давно остыла.

— Ты ведь сама просила не превращать это в охоту, — сказал он.

— Вот и не превращай. А когда увидишь Сорена, сначала спроси про резерв.

— А что я собирался спросить?

— По лицу — почему он вообще существует.

Адам усмехнулся и убрал терминал.

За несколько дней он не нашёл неисправной установки. Ни одной поддельной записи. Ни одной доказанной лжи.

Он ещё раз посмотрел на подпись под приглашением. Адриан Сорен выделил для разговора целый час.

У Лины зазвонил терминал: склад сообщал, что потерянный четвёртый датчик найден. Он всё это время лежал на соседней полке.

— Ну вот, — сказала она. — Одну загадку раскрыли.

Адам убрал приглашение в рабочую папку. Под ним лежал запрос на приложение четырнадцать-бэ — всё ещё без ответа.

Глава 3. Новый дом

Когда автоматическая рука в третий раз положила деталь не в тот лоток, Ева Рахман выключила звук предупреждения.

Не саму линию — только звук. Линия и без того остановилась по защите, подняв над рабочим столом жёлтую полосу света.

— Если ты ещё раз её уговоришь, — сказала Надя Ким, — я начну брать плату за семейную психотерапию оборудования.

— Я с ней не разговариваю.

— Только что сказала: «Ну пожалуйста».

— Это было не ей.

Надя посмотрела на пустой участок цеха.

— Тогда тут есть кто-то ещё, о ком мне стоит знать.

Ева поставила стакан на край верстака, подальше от станков. Кофе остыл минут двадцать назад. Она не помнила, когда сделала последний глоток.

Перед ней стоял роботизированный участок сортировки: две небольшие манипуляторные руки, транспортная лента и кассеты с корпусами регулирующих клапанов. Корпуса приходили с фрезерного станка первого города, здесь проходили контроль размеров и отправлялись на сборку. Ничего героического. Но именно из таких маленьких деталей собирались большие обещания о самостоятельности Второго Марса.

Сегодня участок должен был пройти приёмочные испытания. Через сорок минут ожидали технолога и представителя заказчика.

А он почему-то решил, что каждый шестой корпус следует браковать.

— У нас два варианта, — сказала Ева. — Либо станок начал выпускать брак, либо камера перестала понимать, что видит.

— Станок в первом городе, — напомнила Надя. — Можем сразу объявить международный кризис.

— Тебе смешно.

— Пока да.

Ева взяла одну из отбракованных деталей. Повернула под светом, провела ногтем по кромке. Ничего необычного. Посадочный размер находился в допуске; она проверила его ручным измерителем ещё до запуска.

На терминале открылся снимок камеры контроля. Контур корпуса был обведён зелёным, верхняя грань — оранжевым. Алгоритм отмечал отклонение формы.

— Он ловит блик, — сказала Ева.

Надя подошла ближе.

— Откуда?

— С новой панели над лентой. Мы вчера заменили рассеиватель.

— По той самой заявке, которую согласовывали три недели?

— По той самой.

Надя подняла голову к светильнику.

— Красиво светит.

— Зато корпусу это не нравится.

Ева переключила систему в режим проверки, не позволяющий отправлять детали на следующую операцию, и загрузила эталонную кассету. Затем изменила угол вспомогательной подсветки в пределах предусмотренной настройки. Съёмку повторили.

Оранжевая отметка исчезла.

Ева не улыбнулась. Она провела ещё три серии измерений: с холодным оборудованием, с прогретой лентой, при разных положениях детали. После этого вернула рабочую программу и повторила тест на партии, которую заранее проверили вручную.

Тридцать корпусов прошли контроль без ошибочной браковки.

— Теперь можно? — спросила Надя.

— Ещё пятьдесят.

— Сорок минут назад ты говорила «ещё двадцать».

— Тогда мы искали проблему. Сейчас доказываем, что нашли.

— Ненавижу, когда ты говоришь как твой отец.

Ева посмотрела на неё.

— Забери слова обратно.

— С удовольствием. После пятидесяти.

Они выдержали всю программу. В журнале осталась запись об остановке и повторной приёмке. Прятать её Ева не собиралась. Надя подписала результаты независимой проверки.

Когда пришёл технолог, участок работал ровно. Детали двигались по ленте, манипулятор перекладывал их в кассеты, а принтер наносил на упаковку номера партий.

Представитель заказчика долго рассматривал журнал.

— Из-за освещения? — переспросил он.

— Из-за того, что камера принимала отражение за дефект геометрии, — ответила Ева.

— А если снова заменят панель?

— Тогда повторят проверку. Я внесла её в регламент.

Он кивнул.

— Хорошо. Осталось понять, когда мы сможем работать в две смены.

Ева встретилась взглядом с Надей.

Вот этого вопроса они обе ждали весь день.

— Утверждённого графика расширения пока нет, — сказала Ева.

— Слышал. Мне хотелось услышать что-нибудь другое.

— Мне тоже.

— А оборудование?

— Готово к первой смене. Если хотите, я покажу результаты.

— Покажите.

Она показала. О втором рабочем месте больше не спрашивали.

* * *

В обеденном зале было тесно.

На стене медленно менялся вид поверхности: камера за пределами поселения снимала низкие холмы и пыльную равнину. Обычное окно здесь стоило бы слишком дорого и не дало бы никакой полезной защиты, зато люди всё равно любили сидеть у изображения настоящего неба.

Ева принесла две порции горячей еды. Надя взяла салат, от которого в последние месяцы постоянно отказывалась, и посмотрела на него с подозрением.

— Ты видела объявление? — спросила она.

— Какое?

— Про программу разработки. Они снова ищут специалиста по приводам.

— Подавайся.

— На чьи места? Программа ещё не открыта.

— Откроют.

— Ты сейчас как мой отец. Он тоже всегда говорит: «Всё наладится».

— Я говорю «откроют». Это другое.

— С датой было бы убедительнее.

Ева поставила вилку.

— Вчера разговаривала с Даниэлем. У кооператива есть шанс получить заказ на две линии, если мы покажем незави-

симый расчёт загрузки. Не сразу, но…

— Ты опять хочешь собрать полгорода и объявить себя работодателем?

— Не полгорода. Для начала тридцать семь человек.

Надя замерла.

— Ты посчитала?

— Два десятка на производство, остальные — контроль, обслуживание и логистика. На бумаге.

— «На бумаге», — повторила Надя. — Самые дорогие два слова на Марсе.

— Ты в проекте или нет?

— Смотря что мне предложат. Если снова стоять возле сортировщика, который пугается собственного отражения, я лучше останусь здесь.

— Я хочу, чтобы ты занималась настройкой новых участков. С нуля.

Надя отвела взгляд к стенному экрану.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Тогда не обещай мне это, пока нет контрактов.

Ева нахмурилась.

— Я не обещаю. Я говорю, как хочу устроить работу.

— Знаю. Просто… — Надя взяла вилку. — Не хочу опять начать жить будущей должностью. Потом её переносят, и оказывается, что я два года рассказывала всем о работе, которой у меня нет.

Ева вспомнила, как Надя в прошлом году отказалась от предложения уехать в транспортный сектор. Та не говорила об этом с сожалением, но иногда слишком подробно интересовалась чужими повышениями.

— Я дам тебе документы, прежде чем просить решение, — сказала Ева.

— Это уже лучше.

— И ты сможешь сказать нет.

— Вот это хуже. Теперь придётся действительно думать.

Они засмеялись.

В противоположном конце зала кто-то начал спорить с автоматом выдачи напитков. Аппарат упорно считал пустую кружку полной, и двое рабочих давали ему противоречивые советы. К спору быстро подключился третий — без кружки, зато с неожиданно сильным мнением.

Надя наблюдала за ними, пока спор не закончился тем, что один из работников унёс кружку и пообещал жалобу.

— Строим самостоятельный город, — сказала она. — А чай налить не можем.

— Город уже самостоятельный. Чай пока в разработке.

Надя посмотрела на Еву чуть внимательнее.

— Ты ведь не только ради завода с этим возишься?

— С чем?

— С кооперативом. С собраниями. С тем, что Даниэль звонит тебе даже по выходным.

Ева некоторое время разглядывала край подноса.

— Меня раздражает, что каждый раз, когда нам обещают расширение, потом приходит письмо: «Решение перенесено». Без причины. Просто перенесено. Как будто мы здесь временные.

— Мы здесь не временные.

— Вот именно.

За их спинами прошла группа молодых техников, смеявшихся над чем-то на своём языке. В зале постоянно звучали разные языки, хотя общие производственные сообщения передавались на стандартном рабочем английском. Ева улавливала отдельные слова на арабском, испанском и корейском; не всегда понимала фразы, но давно перестала обращать внимание на то, сколько разных людей сюда приехало.

Надя снова принялась за обед.

— Тогда добейся, чтобы нам хотя бы объясняли переносы.

— Попробую.

— Нет, ты говорила «добьёмся». Вот и давай вместе.

Ева улыбнулась.

* * *

После смены они зашли в общественный сад.

Второй Марс не мог позволить себе бесконечные парки. Здесь всё измерялось объёмом, энергией и трудом: каждый квадратный метр герметичного пространства требовал обслуживания. Поэтому сад располагался в невысоком общем атриуме, между жилыми переходами и школой. Деревья в

нём были небольшими, зато настоящими. У одной стены росла лоза; возле другой стояли длинные ящики с травами, которые дети регулярно путали с декоративными растениями.

Надя остановилась у молодого лимонного дерева.

— Опять кто-то повесил записку.

На тонком стволе болталась маленькая бумажная карточка: «Не трогать. Он старается».

— Это Сэм из шестого модуля, — сказала Ева. — Он каждый день приходит проверять, вырос ли лимон.

— И вырос?

— По его словам — на два миллиметра за неделю.

— Мощный результат. Скоро экспорт начнём.

Надя ушла к выходу: у неё был поздний сеанс связи с семьёй. Ева осталась на несколько минут.

На скамье сидела женщина с мальчиком лет шести. Мальчик спрашивал, почему у деревьев не растут красные листья, как у гор на внешнем экране. Женщина объясняла, что гора и дерево устроены по-разному. Мальчик не поверил.

Ева отвернулась, чтобы не засмеяться.

Когда она переехала сюда три года назад, сад казался ей слишком маленьким. Во время первой прогулки она прошла его целиком за несколько минут и подумала, что в первом городе даже старые прогулочные переходы просторнее.

Теперь она знала почти каждый угол. Знала, где ломается поливочный клапан, у какого дерева скамейка прогревает-

ся утренними панелями, и какую дорожку обычно занимают дети после уроков.

Она поймала себя на простой мысли: если завтра ей предложат работу в первом городе с большей зарплатой, она не согласится.

По крайней мере не сразу.

Ева пошла домой.

В её жилом модуле пахло свежим хлебом — кто-то на общем кухонном участке опять пёк больше разрешённой для одной смены партии и раздавал соседям остатки, пока управляющий не заметил перерасход энергии.

У двери лежал маленький пакет. Внутри оказался ломтик пирога и записка от соседки: «Тебе за ремонт замка. Не спорь».

Ева открыла дверь, поставила пакет на стол и написала соседке: «Спорить буду завтра. Сегодня ем».

Квартира была небольшой: одна спальня, совмещённая кухня с гостиной и узкий рабочий стол у стены. Над столом висела фотография первого города, сделанная из транспортного тоннеля. Рядом — снимок её команды после запуска первой автоматизированной линии.

На нижней полке стояла тяжёлая ручная отвёртка с вытертой рукоятью.

Отец подарил её Еве, когда ей исполнилось двенадцать. Инструмент был неудобным, старым и совершенно ненужным рядом с современными наборами. Но она забрала его

при переезде.

Ева включила домашнюю связь.

— Пап?

Ответ пришёл после нескольких гудков.

— Ева. Привет.

— Ты занят?

— Уже не очень.

— Значит, очень.

— Справедливо. Как день?

Она начала рассказывать про сортировщик, про блик на корпусах и про Надю, которая угрожала выставить счёт за психологическую помощь машине.

Адам смеялся там, где и должен был. Не перебивал, не просил сразу прислать журнал отказа.

Потом спросил:

— Ты правила проверки после замены освещения внесла?

Ева замолчала.

— Внесла, — ответила она.

— Я так и подумал.

— Не мог просто сказать, что я молодец?

— Мог. Ты молодец.

Она улыбнулась.

— Вот видишь. Не так сложно.

— Труднее, чем кажется.

— Как у вас?

— Вчера закрыли отказ в тринадцатом секторе. Датчик

положения контактора.

— Из-за него весь блок остановился?

— Только основной ввод. Резерв сработал нормально.

— Тогда хорошо.

— Да. Но есть вопрос по подтверждению внешней мощности.

Ева задумалась.

— Нашей?

— Общей. Через второй комплекс.

— Что за вопрос?

— Документы не сходятся с тем, что мы видим на местном терминале. Возможно, просто формат отчётности. Хочу проверить.

— У нас на этой неделе тоже собирали данные по энергетической программе. Может, связано.

— Кто собирал?

— Из центрального управления. Для следующего этапа расширения. А что?

— Ничего пока. Не хочу тебя втягивать в служебные вопросы.

— Спасибо, что спросил разрешения хотя бы один раз.

Он тихо усмехнулся.

Несколько секунд они молчали. Ева услышала на другом конце глухой стук — отец, вероятно, передвинул чашку.

— Ты когда приедешь? — спросила она.

— Пока не знаю. Может, скоро придётся по работе.

— Тогда заедешь ко мне.

— Конечно.

— Только не на десять минут между проверками.

— Постараюсь.

Ева посмотрела на старую отвёртку.

— Я сегодня видела мальчишку в саду. Он измеряет, как растёт лимон. Каждый день.

— И что получилось?

— Два миллиметра за неделю, если ему верить.

— Уважаю подход.

— Я знала, что ты так скажешь.

— Сколько ему лет?

— Лет шесть.

— Рано начал. К двадцати будет собственный архив испытаний.

Ева рассмеялась громче, чем собиралась.

Они поговорили ещё несколько минут. О соседях, о ремонте старого перехода, о Закарии, который опять не желал менять свой механический таймер. Ева попросила передать ему привет.

Когда связь оборвалась, она какое-то время сидела не двигаясь.

У неё было много поводов раздражаться на отца. Он слишком часто проверял её решения, не всегда слушал до конца и умел превращать любую хорошую новость в список возможных проблем.

Но сегодня она почувствовала, что скучает по нему.

Это было не особенно удобно.

* * *

На следующий день Даниэль Кросс вызвал Еву на встречу в административный блок производства.

Даниэль представлял интересы нескольких местных предприятий в переговорах с инфраструктурным оператором. Он говорил быстро, но никогда не торопился подписывать документы. Ева научилась этому у него и до сих пор подозревала, что он нарочно растягивает паузу после любой важной цифры, чтобы собеседник первым предложил уступку.

— У тебя есть двадцать минут? — спросил он.

— Если снова будем обсуждать презентацию, десять.

— Никакой презентации. Есть возможность подать общий запрос на производственные слоты следующего квартала.

— Без утверждённой энергетической программы?

— С предварительной оговоркой. Не идеальный вариант. Но лучше, чем ждать, когда корпорация сама вспомнит, что мы существуют.

Он протянул ей таблицу.

Ева пробежала глазами строки: рабочие часы, закупки, доставка материалов, требования к энергетическому обеспечению. Несколько граф оставались пустыми.

— Ты хочешь, чтобы я подписала заявку на мощность, которой ещё никто не подтвердил?

— Я хочу, чтобы ты помогла составить условную заявку. Не контракт. Мы должны показать, что спрос есть.

— Это разные вещи.

— Именно поэтому я позвал тебя.

Она села напротив.

— Сколько у нас времени?

— До конца недели.

— На такой расчёт?

— Я не говорил, что будет приятно.

Ева открыла собственный терминал.

— Пришли производственные ограничения. И отдельно — всё, что касается резервной мощности. Я не хочу обещать людям вторую смену, а потом узнать, что её нельзя запускать.

Даниэль посмотрел на неё с одобрением, которое она почти успела счесть подозрительным.

— Ты стала осторожнее.

— Я стала старше на три дня.

— Хорошо повлияло.

Они провели час над графиками. Когда Ева вышла из кабинета, она чувствовала приятную усталость: перед ней наконец появилась работа, которую можно было сделать, а не очередное письмо о переносе программы.

Уже в лифте терминал завибрировал.

Пришло служебное уведомление.

Межпоселенческая программа резервирования.

Дополнительная техническая проверка.

Ниже указывалось, что до завершения сверки действующих гарантий расширение отдельных категорий промышленной нагрузки требует дополнительного согласования. Текущие производства продолжают работу без изменений.

Ева перечитала письмо.

Потом ещё раз.

Открыла таблицу, которую только что обсуждала с Даниэлем.

В строке «Энергетические условия» теперь появился статус: **ожидает подтверждения**.

Она набрала Надю.

— Ты ещё на заводе?

— Да. Что случилось?

— Пока ничего. Но в графике вместо даты появился вопросительный знак.

— Тот самый запуск? — спросила Надя.

— Он.

В трубке раздался металлический стук. Надя, похоже, уронила инструмент.

— Ева, я уже сказала матери, что со следующего месяца буду на новой должности.

Ева посмотрела на знакомую эмблему межпоселенческого управления в углу уведомления.

— Сначала выясним, что именно они проверяют. Потом пойдём к Даниэлю с цифрами. Не обещаю, что тебе понра-

вятся ответы.

— Мне бы хоть какие-нибудь.

Она убрала терминал и вышла из лифта.

За стеклом общественного перехода дети спорили о том, чья очередь ухаживать за лимонным деревом. Магазин у входа уже вывесил список вечерних поставок. Соседка, увидев Еву, помахала рукой и крикнула, понравился ли пирог.

Ева ответила, что понравился, и пообещала соседке прислать рецепт. Дома открыла производственный график: в строке запуска новой линии всё ещё стояло «ожидает подтверждения».

Глава 4. Девять лет назад

На девятый день Адам Рахман проснулся за семь минут до будильника и первым делом пожалел об этом.

Он лежал, слушая, как за стеной разгоняется вентиляция. В старом секторе оборудование включалось не одновременно: сначала шёл едва заметный низкий гул, потом к нему присоединялось стрекотание заслонок. С тех пор как он переехал сюда, этот порядок не изменился. Адам мог определить время, не открывая глаз.

Сегодня он всё-таки открыл.

На столе возле кровати ждал рабочий терминал с двумя непрочитанными сообщениями. Одно пришло от Лины: архивная служба нашла комплект документов по расширению жилой нагрузки. Второе — от Евы.

«Вчера пробовали хлеб из новой муки. Надя сказала, что это строительный материал. Ты бы одобрил».

Адам улыбнулся и начал набирать ответ. Потом удалил: «Не всякий строительный материал плохо есть». Ева и так говорила, что он шутит как человек, который никогда не был молодым.

Вместо этого написал: «Передай Наде, что для строительного материала нужна сертификация. Как ты?»

Ответ пришёл почти сразу.

«С хлебом лучше, чем с заводом. Расскажу потом. И не

спрашивай пока почему».

Он посмотрел на последнюю фразу. Обычно после неё следовало самое интересное.

«Договорились», — ответил Адам.

Он положил терминал экраном вниз.

Собственного обещания хватило ровно на двадцать секунд, прежде чем ему захотелось спросить, что произошло.

* * *

Архивные материалы открылись с третьей попытки.

В первый раз система предложила Адаму старую версию эксплуатационного проекта. Во второй — список изменений без приложений. Только после обращения к архивисту он получил право просматривать материалы девятилетней давности, относящиеся к его прежней должности.

В техническом центре было ещё тихо. Лина пришла раньше него, поставила на стол две чашки и теперь пыталась заставить принтер выдать ровно один лист вместо целой пачки.

— Он меня ненавидит, — сказала она.

— Ты постоянно называешь его хламом.

— Это профессиональная оценка.

Адам взял свою чашку.

— Ты смотрела архив?

— Только указатель. Не хотела искать за тебя то, что ты сам подписывал.

— Не помню, чтобы просил.

— Вот и я не помню. Удобно, правда?

Она наконец вытащила лист, скомкала его и бросила в контейнер переработки.

Адам открыл проект.

На титульной странице значилось: «Расширение жилой нагрузки. Третий эксплуатационный округ. Этап Б».

Девять лет назад этот этап казался простым продолжением успеха. Население первого города росло, очереди на жильё сокращались медленно, а новые комплексы за пределами старого поселения обещали решить проблему резервирования на годы вперёд.

Адам тогда руководил технической оценкой доступности инженерных систем для дополнительных жилых модулей. В его группе было девять специалистов. Они спорили о тепловых нагрузках, об испытаниях переключения, о том, сколько независимых отказов необходимо учитывать одновременно.

Он хорошо помнил итоговое совещание.

Плохо — то, что было после него.

Адам пролистнул документ до раздела условий.

Пункт 6.4. Допуск дополнительной жилой нагрузки разрешается после подтверждения готовности удалённого резервного обеспечения в режимах, определённых приложением к программе надёжности.

Ниже — четыре подписи.

Последняя принадлежала ему.

Некоторое время он смотрел на неё без всякого чувства. Подписи были обыкновенной частью работы. За двадцать с

лишним лет накопились тысячи документов, и не каждый стоило помнить.

Затем он увидел пометку у пункта 6.4:

Контроль исполнения — на этапе окончательного подключения.

— Лина, — позвал Адам.

Она подошла, на ходу вытирая ладони полотенцем.

— Что?

Он показал строку.

— Это я подписывал.

— Вижу.

— Условно. Здесь не разрешение на ввод. Здесь разрешение продолжить следующий этап при выполнении условий.

Лина наклонилась ближе.

— И кто должен был подтвердить выполнение?

Адам открыл приложение.

Вместо документа появилась запись о передаче контроля другому подразделению — группе окончательного ввода, созданной при совместной программе Комплекса-2.

— Вот они, — сказал он.

— Это название группы. Где акт?

— В архиве оператора.

— Тебе его не дали?

— Пока нет.

Лина выпрямилась.

— Тогда откуда ты знаешь, что условие не выполнили?

Он посмотрел на неё.

— Я этого не говорил.

— Хорошо. Потому что только что у тебя было лицо человека, который уже написал заключение.

Адам закрыл приложение и открыл карточку собственной должности того времени.

Через шесть недель после подписания он перешёл в службу надёжности первого города. Контроль окончательного подключения действительно остался за другой командой.

Это было стандартно. Не каждый инженер, допустивший проект к следующему этапу, должен сопровождать его до последнего болта.

Но вопрос Лины от этого не исчезал.

— Мог бы проверить, — сказал Адам.

— Мог бы.

— Даже после перевода.

— Мог бы, — повторила она. — А теперь давай без суда над собой. Нам нужен акт.

Адам повернул к ней экран.

— Он у оператора.

— Значит, попросим у оператора. И не будем выдавать отсутствие документа у нас за отсутствие документа вообще.

Она ушла к своему столу.

Адам хотел поблагодарить её, но не нашёл повода сказать это естественно. Вместо этого отправил запрос на получение списка ответственных за окончательный ввод.

* * *

Административный корпус корпорации находился в новом деловом секторе первого города.

От старых жилых переходов его отличало не количество пространства, а тишина. Пол поглощал шаги, двери открывались без привычного стука приводов, вентиляция была спрятана за широкими декоративными панелями.

Адам поймал себя на мысли, что не доверяет зданиям, в которых ничего не слышно.

На входе его попросили оставить ремонтный набор в шкафчике.

— У вас здесь часто что-нибудь ломается? — спросил он у сотрудницы службы допуска.

Она взглянула на набор.

— Надеюсь, сегодня ничего.

— Я тоже.

За стойкой ожидания стояли кресла, растения в высоких контейнерах и стена, на которой медленно менялись изображения предприятий. На одном из кадров роботизированная машина устанавливала секцию герметичного корпуса. На другом рабочие проверяли крупный преобразователь. Затем появилась панорама Комплекса-2: освещённые галереи, промышленные ангары, ряды жилых модулей под защитными конструкциями.

Никакого секрета в существовании второго поселения не было. Корпорация годами показывала его как свидетельство

промышленного роста.

И всё же Адам подумал, что видел эти изображения сотни раз, не задумываясь о количестве домов за ангарами.

— Адам Рахман?

К нему подошла женщина в тёмной рабочей форме без украшений.

— Селин Уорд. Управление стратегической инфраструктуры. Я буду вести протокол.

— Мы знакомы по письмам.

— В письмах вы значительно настойчивее.

— Вживую пока тоже.

Селин позволила себе улыбнуться.

— Тогда прошу за мной.

Переговорная была меньше, чем Адам ожидал. На столе стоял графин воды и лежали два рабочих терминала. Третий был открыт перед мужчиной, который поднялся при их входе.

Адриан Сорен выглядел не так, как на корпоративных сообщениях. Там он стоял прямо, говорил размеренно и будто всегда знал, какой будет следующая цифра на экране. Здесь у него была измятая манжета, а рядом с терминалом — недопитая чашка чая.

— Господин Рахман, — сказал он. — Благодарю, что приехали.

— Адам.

— Адриан.

Они пожали руки.

Сорен показал на кресло.

— Мне сказали, вы нашли несоответствие в резервировании третьего округа.

— Я нашёл отсутствие необходимых подтверждений в доступной нам документации.

— Осторожная формулировка.

— Точная.

— Это хорошо. Осторожных формулировок мне за последнее время прислали слишком много. Точных — заметно меньше.

Он сел и повернул терминал к Адаму.

На экране была схема общей энергетической системы.

— Давайте начнём с того, что мы знаем. Резервный комплекс исправен. Его установки проходят регулярные проверки. Никакого отказа гарантированной мощности в вашем округе не зафиксировано.

— Согласен.

— Ваша служба обнаружила, что при плановом переключении локальной нагрузки не получила полный статус удалённого источника.

— Да.

— Причина — изменение протокола обмена данными. Статус приходит в общий диспетчерский контур, а не на каждый локальный терминал.

— Это объясняет запись, но не доступность мощности.

Сорен кивнул так, будто именно этого ответа ждал.

— Продолжайте.

Адам открыл собственный файл.

— В нашем расчёте восемь мегаватт указаны как дополнительная гарантированная мощность при определённых сочетаниях отказов. В документах по Комплексу-2 я вижу новые промышленные нагрузки и ссылки на изменённые режимы резервирования. Мне нужно подтверждение, что эти условия совместимы.

— В каком сценарии вы предполагаете конфликт?

— Пока не утверждаю, что он есть. Я прошу расчёт.

— Допустим, две нагрузки никогда не требуют резерв одновременно.

— Тогда это должно быть обосновано. Не словом «никогда», конечно.

Сорен слегка улыбнулся.

— Конечно.

Он открыл другую схему.

— Девять лет назад, когда обсуждали расширение первого города, мы договорились, что резерв может располагаться удалённо. Это уменьшало затраты на дублирование оборудования. Вы принимали участие в техническом согласовании.

— Да.

— И поддержали решение.

— При выполнении условий.

— Разумеется.

Сорен развернул перед ним старый документ.

Адам сразу увидел свою подпись.

На этот раз она не была неожиданностью. Хуже: он уже успел несколько часов смотреть на неё утром и теперь не мог отвести глаз так же легко, как хотелось.

— Я нашёл этот документ, — сказал он.

— Тогда вы помните и причины решения.

— Помню.

— Мы могли построить отдельные резервные мощности для каждого округа. Дольше, дороже и с дополнительными потребностями в обслуживающем персонале. Или создать общую систему, в которой оборудование используется эффективнее. Тогда никто не считал второй вариант необычным.

— Я и сейчас не считаю его необычным.

— Но считаете, что мы могли неправильно определить условия.

— Считаю, что их нужно подтвердить.

Сорен медленно откинулся на спинку кресла.

— В вашем условном заключении отдельно записано: окончательное подтверждение выполняет группа ввода. Так?

— Так.

— Вы входили в её состав?

— Нет.

— Получали акт окончательного подтверждения?

Адам задержался с ответом.

— Я не нашёл его в своём архиве. Не могу сказать, получал ли копию тогда.

— Проверяли после перевода?

Селин подняла взгляд от протокола.

Вопрос прозвучал спокойно. Даже буднично. И всё же Адам почувствовал, как сжимаются пальцы на подлокотнике.

— Нет, — ответил он. — Не проверял.

Сорен не стал продолжать.

И именно это оказалось неприятнее всего.

— Поэтому я сейчас здесь, — сказал Адам.

— И правильно делаете.

Сорен закрыл старый документ.

— Я не пригласил вас, чтобы обсуждать вашу работу девятилетней давности. Мне необходимо, чтобы вы поняли: техническая история этой системы длиннее одного запроса.

— История не заменяет испытания.

— А испытание не всегда объясняет, зачем была выбрана именно такая система.

Они посмотрели друг на друга.

Адам впервые заметил усталость в лице Сорена. Не раздражение из-за неудобного инженера — настоящее, давнее утомление человека, которому приходится защищать решения, принятые много лет назад.

Это не делало Сорена правым.

Но мешало считать его простым противником.

* * *

В середине встречи Селин принесла обновлённый пакет данных.

Часть сведений касалась схем подключения, часть — действующих условий эксплуатации. Коммерческие приложения промышленных предприятий остались закрытыми.

Адам просмотрел документы.

— Здесь есть подтверждение работоспособности узла, — сказал он. — И испытания защит. Но нет совместного расчёта для изменённой нагрузки.

Селин ответила прежде Сорена:

— Такой расчёт находится в пакете стратегического обеспечения. Его распространение ограничено, потому что он содержит сведения о производственных режимах.

— Мне не нужны цены контрактов.

— Режимы производства тоже бывают коммерчески чувствительными.

— Тогда предоставьте расчёт в части условий, необходимых для сертификации. Без названий клиентов. Или направьте его надзору.

— Это возможно, — сказала Селин. — Но потребуется отдельное согласование.

Сорен поставил чашку.

— У нас есть вариант быстрее.

Он вывел на экран план инспекции Комплекса-2.

— Через несколько дней там предусмотрены испытания

резервной группы. Вы можете посетить объект, ознакомиться с перечнем доступных режимов и обсудить расчёты с инженерами, которые их составляют.

Адам прочёл расписание.

— В качестве независимого инспектора?

— В качестве уполномоченного специалиста первого города. Ваш мандат позволяет проводить техническую проверку связанных мощностей. Но не получать любые корпоративные документы.

— Результаты могу направить инспекции безопасности?

— Факты, относящиеся к сертификации, — да. Коммерческие сведения вне этого объёма — в установленном порядке. Селин подготовит точные условия.

Адам пролистнул список объектов.

Резервный энергетический блок. Переключательные станции. Центральная диспетчерская. Производственный участок, от которого зависела часть вспомогательной автоматики.

Затем он увидел ещё одну строку.

— Жилые комплексы?

— Что?

— Они включены в маршрут.

— Чтобы вы понимали реальную структуру нагрузки.

— Зачем мне осматривать жилые помещения?

— Не помещения, Адам. Систему снабжения жилой зоны. Комплекс-2 давно не состоит из одних цехов.

Это было известно каждому.

Но Сорен произнёс фразу так, будто речь шла о чём-то большем, чем обычное расширение.

Адам хотел уточнить. Однако решил сначала получить документы и увидеть объект.

— Согласен, — сказал он. — При двух условиях.

— Слушаю.

— У меня будет доступ к инженерам, которые отвечают за расчёт резервирования. И если обнаружится технически существенное расхождение, я внесу его в отчёт без предварительного согласования формулировок с корпорацией.

Селин быстро записала сказанное.

Сорен несколько секунд молчал.

— Вы вправе изложить собственные выводы, — наконец ответил он. — Но не станете называть нарушение доказанным раньше проверки.

— Не стану.

— Тогда договорились.

Они встали.

Сорен проводил Адама до двери переговорной. Перед тем как пожать руку, он спросил:

— Ваша дочь работает на втором комплексе, верно?

Адам почувствовал внезапное раздражение.

— Да.

— Как у неё дела?

— Хорошо.

— Я видел отчёт о её группе. Они нашли способ уменьшить брак на одной из автоматизированных линий. Умная работа.

Адам не ожидал этого.

— Спасибо. Передам.

— Передавайте не мою похвалу. Свою.

Сорен улыбнулся и вернулся в переговорную.

Адам остался на мгновение в коридоре.

Он собирался уйти от встречи с документами. Вместо этого получил приглашение, пачку схем и ещё один вопрос, который не хотел задавать себе вслух.

Почему ему понадобился Сорен, чтобы услышать о хорошей работе собственной дочери?

* * *

Вечером Адам созвонился с Евой.

Она ответила не сразу. На экране появился её домашний стол, уставленный контейнерами с едой и какими-то мелкими металлическими деталями.

— Пап, если ты сейчас скажешь, что у меня неправильно лежит инструмент, я отключусь.

— Я хотел спросить, как дела.

— Это новый подход?

— Экспериментальный.

Она засмеялась и отодвинула контейнер.

— У нас сегодня снова обсуждали сроки. Пока ничего хорошего. Но Надя принесла еды, так что день не совсем про-

пал.

— Я слышал, вы уменьшили брак на сортировочной линии.

Ева прищурилась.

— Откуда?

— На работе сказали.

— Кто?

Адам помедлил.

— Сорен.

Она перестала улыбаться.

— Ты встречался с Сореном?

— По резервной программе.

— И он рассказывал тебе о нашей линии?

— Упомянул.

Ева коротко выдохнула.

— Надеюсь, он хотя бы не приписал результат своему управлению.

— Нет. Он сказал, что вы хорошо сработали.

— Мы два месяца просили разрешение изменить контрольный алгоритм. Два месяца. А потом всё исправили за неделю.

— Ты мне об этом не рассказывала.

— Рассказывала, пап.

Адам открыл рот и закрыл его.

Ева посмотрела в сторону, будто там кто-то позвал.

— Ладно. Неважно.

— Важно.

— Тогда вспомни.

Он провёл рукой по лицу.

— Прости. Наверное, я тогда думал о своём.

— Наверное.

Пауза растянулась. Адам услышал, как у неё на кухне сработал таймер.

— Я правда рад за вас, — сказал он.

Ева посмотрела на экран снова.

— Спасибо.

— И я собираюсь приехать.

— По работе?

— Да.

— Ну конечно.

— Но я хотел бы увидеть тебя.

— Ты всегда можешь меня увидеть.

Она произнесла это без упрёка. От этого стало ещё неловче.

— Тогда увидимся, — сказал Адам.

— Договорились. Только предупреди, когда будешь выезжать.

Связь закончилась.

Адам некоторое время сидел перед погасшим экраном.

Ева была права: она действительно рассказывала ему о сортировщике. Он вспомнил её рассказ — частично, обрывками. Помнил смешную историю про манипулятор и Надю.

Не помнил, сколько месяцев команда добивалась права изменить алгоритм.

Он слушал.

Но, как выяснилось, не всё услышал.

* * *

На следующий день пришёл согласованный порядок инспекции Комплекса-2.

Адам проверил маршрут, перечень участников и условия доступа. Инженерам первого города разрешалось ознакомиться с испытаниями резервной группы и задать вопросы о расчётных сценариях. Документы, содержащие закрытые сведения, предоставлялись для просмотра в защищённой системе без возможности свободного копирования; выводы, относящиеся к безопасности, разрешалось передать надзорному органу.

Всё выглядело разумно.

И всё же Адам не мог отделаться от ощущения, что ему покажут именно столько, сколько считают нужным.

Он открыл приложение к маршруту.

Там приводилась схема распределения нагрузок: промышленная зона, транспортные службы, энергетические узлы, жилой контур Комплекса-2.

Под названием жилого контура значилась строка:

Постоянная эксплуатационная нагрузка. Приоритетное обеспечение.

Адам прочитал её дважды.

В технических реестрах первого города Комплекс-2 до сих пор чаще называли промышленным и испытательным объектом. Он знал, что там живут люди. Знал, что выросли семьи, появилась школа, построили сад.

Но в старых расчётах жилые объекты значились как вспомогательная нагрузка промышленного комплекса.

Теперь это была постоянная нагрузка с собственным приоритетом.

Он вызвал Лину.

— Посмотри.

Она изучила строку.

— Нормально, — сказала она. — Если люди там живут постоянно, их системы должны иметь приоритет.

— Согласен.

— Тогда что?

Адам вывел рядом старую схему.

— Когда согласовывали удалённый резерв, жилой контур второго комплекса был намного меньше. Теперь он другой. И у него свои гарантии.

— Значит, расчёт должны были обновить.

— Да.

— Может, обновили.

Адам убрал документы.

— Вот и посмотрим.

Лина задержалась у двери.

— Ты когда туда едешь?

— Послезавтра.

— Передай Еве, что её отец умеет не только проверять. Иногда ещё и гордиться.

Он хотел ответить шуткой, но Лина уже ушла.

Адам снова посмотрел на схему.

На старой схеме жилой контур второго поселения занимал один узкий прямоугольник. На новой он разросся: жилые секции, школа, медицинский пункт, сад.

Адам наложил изображения друг на друга. Границы новых кварталов закрыли часть обозначений прежнего промышленного резерва.

Он раздвинул схемы, чтобы видеть обе.

У каждого города были люди, которых нельзя вычеркнуть из расчёта.

Глава 5. Комплекс-2

За сорок минут до отправления Адам узнал, что у него нет разрешения на возвращение.

Разрешение на поездку было. На посещение энергетического узла — тоже. Его фамилия значилась в списке инспекторов, а в служебном маршруте стояли все необходимые отметки.

Не хватало одной: допуска к обратному рейсу.

— Первый раз едете? — спросила сотрудница терминала.

— Не первый.

— Тогда знаете, что проверять надо обе стороны.

— Я проверял. Вчера всё было подтверждено.

Женщина повернула к нему экран. Напротив фамилии Рахмана в строке возвращения горело серое поле.

— Видите?

— Вижу.

— Вот и я.

Она говорила без раздражения. За последние десять минут Адам успел увидеть, как она отправила троих работников на дополнительную проверку грузового разрешения и помогла пожилой женщине заменить просроченный медицинский допуск. Ни на кого не повысила голос.

— Если сейчас оформлю заявку, успеют? — спросил он.

— Не знаю. У второй стороны свой диспетчер.

— Связаться с ним можно?

— Можно. Только вы будете третьим за утро.

Она указала на места ожидания.

Адам сел у стены и открыл терминал. Возвращаться он собирался через два дня. Часом позже, если удастся повидаться с Евой. Возникла нелепая мысль, что если его и правда не пустят обратно, дочь обязательно скажет: «Я же говорила, приезжай просто так. Теперь у тебя выбора нет».

Он написал ей: «Выехать пока не могу. Наши великие транспортные системы не уверены, что захотят вернуть меня домой».

Ева ответила почти сразу.

«Если останешься у нас, предупреждаю: я уже отдала твой диван Наде».

«У тебя есть диван для меня?»

«Был. Пока ты не начал проверять документы».

Адам улыбнулся.

Ещё через минуту сотрудница вызвала его к стойке.

— Подтвердили. Обратный рейс тот же, что в заявке.

— Спасибо.

— Не мне. Диспетчеру Комплекса-2. И лучше выезжайте по расписанию. У нас люди иной раз считают, что если Марс маленький, их подождут.

— Он довольно большой.

— Вот именно.

* * *

Транспорт выглядел меньше снаружи, чем внутри. Шесть рядов кресел, узкий центральный проход, закрытый грузовой отсек. Перед посадкой всем напомнили о фиксации ремней и порядке действий при непредвиденной остановке. Большинство пассажиров слушало вполуха.

Напротив Адама устроился мужчина с двумя тканевыми сумками. На его форме значился знак продовольственной службы второго поселения.

Он несколько раз проверил верхнюю застёжку одной из сумок, потом заметил взгляд Адама.

— Не опасное, — сказал он. — Пироги.

— Тем более стоит закрепить.

— Вот и моя жена так говорит. Только в другой формулировке.

На остановке у внешнего шлюза мужчина купил стакан горячего напитка и вернулся на место.

— Вы к нам работать?

— На инспекцию.

— Тогда осторожнее. Если увидите что-нибудь неисправное, оставьте на обратный рейс. У нас и так полгорода сегодня с утра бегает.

— Что случилось?

— В детском центре вентиляционный экран зашумел. По звуку будто хотят взлететь.

Адам машинально приподнял голову.

— Не обязательно вентиляция.

— Я так и сказал. Мне ответили, что я доставляю пироги и должен доставлять пироги.

Мужчина тяжело вздохнул.

— Дети всё равно довольны. Им нравится, когда шумно.

На короткое время свет в салоне приглушился. За боковым обзорным экраном появились наружные защитные ворота.

Транспорт плавно тронулся.

Первый город остался позади не сразу. Сначала исчезли рабочие ангары, затем ряды технических контейнеров и башни связи. Последними — низкие конструкции энергосистем, под которыми Адам когда-то проводил учебные смены.

За ними начиналась поверхность.

Адам ездил по этому маршруту прежде, но в последние годы чаще видел его на схемах, чем собственными глазами. Снаружи тянулась равнина, местами покрытая грубыми пластами камня. Дорога проходила между невысокими защитными валами. Далеко справа шли опоры энергетической линии, непривычно тонкие на фоне бурой пустоты.

Марс не казался ему красивым постоянно.

В детстве он даже сердился на взрослых, называвших каждое утро над поверхностью чудом. Он видел то же самое небо, ту же пыль и те же серые камни, от которых приходилось защищать оборудование.

Зато он любил дороги.

Любил сам факт, что кто-то однажды проложил их там,

где не было ничего удобного для человека. Что транспорт теперь ходил по расписанию, люди ругались из-за задержанных грузов и возили друг другу пироги.

Мужчина напротив задремал, не выпуская сумку.

Адам открыл маршрут инспекции.

Сначала центральная диспетчерская. Затем преобразовательный узел, резервный генераторный блок и часть распределительной сети. После обеда — проверка схем снабжения жилой зоны.

Он перечитал последний пункт.

«Жилой зоны», не «служебных помещений». В документы это выражение вошло постепенно, без какого-либо особого объявления.

Вчера Лина показала ему перечень энергопотребителей второго комплекса. По штатным режимам всё было понятно. Вопрос возникал там, где два города одновременно должны были получать обещанную дополнительную мощность.

Он развернул схему и долго изучал её, пока в стекле не отразилось собственное лицо.

Потом закрыл.

В таких задачах самое опасное — заранее полюбить версию, которую хочешь доказать.

* * *

У Комплекса-2 не было одной главной входной станции.

Транспорт вошёл в промышленный коридор, прошёл мимо грузовых шлюзов и только после этого остановился у

пассажирского терминала. За защищённой галереей начинались рабочие здания, над которыми возвышались радиаторы и корпуса теплообменников.

Адам вышел последним.

На стене терминала висела электронная доска. Кроме рейсов, на ней отображались объявления: набор в учебную мастерскую, расписание общего сада, перенос детского турнира, поиск специалиста по старой системе управления климатом.

Он остановился у последнего объявления.

«Нужен человек, который помнит, как это вообще включалось», — заканчивалось оно.

Адам сфотографировал.

Еве отправил: «У вас есть работа для Закарии».

Она ответила: «Он нас всех уволит через два дня».

— Господин Рахман?

Перед ним стояла Селин Уорд. В руках у неё был тонкий терминал, а на плече — маленькая сумка.

— Адам, — поправил он.

— Селин. Тогда начнём с того, что я попрошу вас не называть этот город только комплексом. Местные очень обижаются.

— Он так назван в документах.

— Документы составляют люди, которые тут не живут.

Адам взглянул на неё внимательнее. В прошлую встречу Селин держалась сдержанно и следила за протоколом. Здесь

она казалась увереннее.

— Вы живёте тут?

— Уже шестой год.

— Тогда как правильно?

— Второй Марс. Если не в техническом акте.

Они направились к внутреннему транспорту.

По дороге Адам увидел знакомые элементы промышленного города: ряды трубопроводов, технические проходы, платформы для контейнеров. Но между ними появились вещи, которых он не запомнил по прежним визитам.

Небольшой магазин с очередью. Велопарковка. Общественная площадка за прозрачной перегородкой. Два ребёнка, споривших около автомата с водой, и женщина, которая безуспешно пыталась заставить одного из них надеть куртку.

— Здесь всегда так многолюдно? — спросил он.

— Сегодня тихо. Утром у нас половина ремонтных бригад на смене.

— Я помню, когда здесь было две жилые галереи.

— Их ещё не успели разобрать. Теперь там склад и учебный центр.

— А новые?

— Увидите после инспекции.

Транспорт вышел из промышленной зоны в широкий внутренний переход. По одной стороне шли помещения обслуживания, по другой — небольшие общественные учреждения. Над дверью ближайшего помещения было написа-

но: «Музыкальная школа».

Адам посмотрел на вывеску.

Селин заметила.

— Что вас удивило?

— Ничего.

— Музыкальная школа?

— Я знаю, что у вас живут семьи.

— Конечно, знаете.

Она не сказала больше ничего.

И всё же Адам почувствовал себя человеком, который по документам знал о существовании целого квартала, но ни разу не задумался, кто там ждёт детей после уроков.

* * *

В центральной диспетчерской их встретил главный инженер энергетического комплекса — Томас Беккер.

Высокий, лысеющий, с привычкой смотреть на людей поверх оправы очков. Он начал с обычной технической экскурсии, но быстро понял, что Адам приехал не любоваться оборудованием.

— Давайте сразу к спорной части, — сказал Томас. — У нас мало времени, а вам всё равно неинтересны наши красивые панели.

— Красивые панели тоже полезно проверять.

— Тогда в следующий раз.

На большом экране он вывел схему распределения мощности.

Адам сразу увидел знакомые обозначения: местные источники первого города, связи с общей сетью, резервный комплекс на двенадцать мегаватт, собственные нагрузки второго поселения.

— Вы запросили подтверждение восьми мегаватт для первого города, — сказал Томас. — В действующей программе это условная доступность для определённых расчётных сценариев, не постоянное выделение энергии.

— Это я понимаю.

— Хорошо. Потому что вчера один из ваших коллег написал мне, что мы якобы круглосуточно «расходуем их восемь мегаватт». Так не работает даже самый плохой договор.

Адам подавил улыбку.

— Я такого не писал.

— Знаю. Поэтому вы здесь, а не он.

Томас открыл график испытаний.

— Сам резерв исправен. Последнее испытание завершено без замечаний. Вот параметры. Вот согласованная последовательность переключений. Вот результаты независимой проверки автоматики.

Адам изучил данные.

— В этом сценарии вы отключаете часть промышленных потребителей.

— Да.

— По какому основанию?

— По действующему эксплуатационному регламенту. На-

грузки разделены на категории.

— А если одновременно возникнет требование резервирования жилого контура второго города?

Томас изменил схему.

— Тогда действуют другие ограничения.

— Покажите расчёт.

Появилась таблица. Несколько строк оказались закрыты.

— Это коммерческие режимы промышленных клиентов, — сказал Томас.

— Названия клиентов мне не нужны. Мне нужна доступная мощность после обязательных отключений.

Томас посмотрел на Селин.

— Её можно показать.

— В части сертификации — да, — ответила она.

Инженер ввёл другой уровень доступа. Таблица расширилась.

Адам сверил цифры с условиями первого города.

В большинстве строк проблем не было. Сценарии выглядели обоснованными, автоматика — исправной, ограничения — предусмотренными заранее.

Наконец он нашёл строку, в которой одновременно учитывались отказ одного местного источника первого города и необходимость резервировать критическую нагрузку второго.

— Стоп.

Томас подождал.

— Почему здесь не восемь?

— Потому что для этого сочетания действует иной приоритет.

— А в нашей программе восемь заявлены как доступные при отказе соответствующего класса.

— В вашей программе, возможно, старая редакция.

— Она действующая.

— Посмотрите дату.

Адам посмотрел.

Расчёт второго города был обновлён два года назад.

— Пришлите номер согласования, — попросил он.

— Он указан внизу.

Адам открыл карточку согласования. Подписи технических специалистов второго комплекса, корпоративного управления и независимого проверяющего присутствовали.

Подтверждения пересмотра обязательств перед первым городом в карточке не было.

— Кто со стороны первого города принимал изменение? — спросил Адам.

Томас подался ближе.

— Я не могу ответить за ваши договоры.

— Вы же используете совместный резерв.

— И соблюдаем нашу программу. Вы можете доказать обратное?

— Пока нет.

— Тогда давайте аккуратнее.

В голосе Томаса впервые появилась жёсткость.

Адам почувствовал знакомое раздражение: инженер второго города защищал систему, которую обслуживал, ровно так же, как защищал бы свою Адам. Это было справедливо.

Он снова посмотрел на две даты.

— Мне нужен акт, на основании которого старую гарантию первого города признали совместимой с этой редакцией.

Томас потёр переносицу.

— Такого акта нет в моём комплекте.

— Значит, и у вас не всё есть.

Томас помолчал.

Потом кивнул.

— Значит, не всё.

Это был первый ответ за несколько дней, который Адаму по-настоящему понравился.

* * *

У резервного энергетического блока пахло нагретым металлом и чистящим составом.

Сами установки находились за несколькими защитными перегородками. Доступ к оборудованию был ограничен, и Адам осматривал только разрешённые контрольные точки, журналы и интерфейсы.

Томас показал ему систему распределения и один из испытательных стендов.

Работники здесь не выглядели людьми, скрывающими преступление. Они спорили о температурных допусках, сро-

ках обслуживания и о том, кто не вернул инструмент на место.

Один из специалистов, молодой мужчина с густыми тёмными волосами, долго пытался прикрепить к терминалу неудобный защитный кожух.

— Закария сказал бы, что ты неправильно его держишь, — заметил Адам.

— Кто такой Закария?

— Человек, который сначала спросил бы, зачем ты его снял.

Специалист хмыкнул.

— Тогда передайте, что снял по его же принципам: чтобы добраться до того, что не работает.

Он поставил кожух на место с отчётливым щелчком.

— Вот. Теперь можно меня увольнять.

Томас вздохнул.

— Лукас, иди работать.

Когда они отошли, Адам задержался у обзорного стекла.

За ним работали люди, от которых зависела часть системы обеспечения первого города. Адам не знал их имён, кроме Лукаса и Томаса. Они не знали многих его коллег.

Каждая сторона видела на схемах аккуратные прямоугольники с обозначениями мощностей. За прямоугольниками существовали смены, усталость, учебники, дети, заблокированные дверцы шкафов и пироги в транспортных сумках.

Адам подумал, что именно это делало любую ошибку особенно дорогой.

Нельзя было просто взять семь мегаватт из одного прямоугольника и вписать в другой. За ними уже стояли люди.

Он достал терминал и добавил к заметкам:

«Оборудование исправно. Не подтверждена согласованность условий предоставления мощности между редакциями программ».

Ни слова о нарушении.

Пока.

* * *

После обеда Селин провела его через жилую часть второго поселения.

Не на экскурсию. По маршруту к техническому центру жилого контура. Но идти приходилось через общественную галерею, и она не стала торопить Адама.

В центре галереи стояло дерево.

Не изображение на стене. Настоящее — невысокое, с толстыми ветвями, растущее в большом защитном контейнере. Вокруг него шла круглая скамья, на которой сидели несколько человек.

Адам остановился.

— Старое?

— Девять лет.

— Как весь этот сектор?

— Почти. Его посадили на открытии жилой галереи. Пер-

вый раз оно едва пережило смену освещения.

— Кто ухаживает?

— Все понемногу. В основном одна женщина из службы питания. Она считает, что без неё мы погубим дерево.

— Возможно, она права.

Рядом мальчик лет десяти пытался объяснить другому правила настольной игры. Тот никак не соглашался и каждые полминуты переставлял фишки по-своему.

Селин показала на свободный проход.

— Нам туда.

Адам пошёл следом, но ещё несколько раз обернулся.

В техническом центре жилого контура они изучили характеристики собственных систем жизнеобеспечения второго поселения.

Они были независимыми в критическом режиме. Собственная очистка воздуха, производство кислорода, водоподготовка, аварийная энергетика.

Адам проверил несколько показателей и отметил, что часть систем резервирования рассчитывалась с учётом доступности общей сети.

— Сколько здесь постоянно живёт? — спросил он.

— Около тысячи двухсот, — ответила Селин. — Число меняется. Кто-то уезжает работать в первый город, кто-то приезжает с семьями.

— Проектная вместимость?

— После расширения — три с половиной тысячи.

— Пока расширение не утверждено.

— Не полностью.

Она сказала это без прежней уверенности.

— Вы тоже ждёте решения по мощностям, — заметил Адам.

— Мы ждём нескольких решений.

— По энергетике?

— В том числе.

На обратном пути они остановились у панели с планом развития кварталов. Обычно на таких стендах размещали наглядные схемы для жителей: где появится новый сад, куда перенесут детский центр, какие транспортные линии откроются.

Среди будущих объектов Адам увидел группу жилых модулей, обозначенную другим цветом.

Под ней значилось:

Программа замещения устаревающих жилых фондов.

Он подошёл ближе.

— Это какие фонды?

Селин взглянула на панель.

— Долгосрочная программа. Её несколько раз пересматривали.

— Первого города?

— Да. И новых кварталов здесь.

Адам перечитал подпись.

— Но здесь указано «замещение», не «расширение».

— Это старая формулировка.

— Она стоит в действующем плане.

Селин стала заметно осторожнее.

— Этот стенд не договор. Точные программы утверждаются отдельно.

— Я знаю.

Он достал терминал.

— Можно сфотографировать?

— Общественный стенд — пожалуйста.

Адам сделал снимок.

Сама идея переноса функций из старых секторов в новые не была неожиданной. Об этом говорили десятилетиями. Некоторые здания первого города действительно требовали дорогих реконструкций.

Неожиданным был масштаб.

На схеме новые кварталы второго поселения были связаны с условно обозначенными группами старых районов первого. Изображение выглядело так, будто две программы существовали не параллельно, а одна была задумана продолжением другой.

— Где можно посмотреть основания? — спросил он.

— В архиве развития. Но доступ не входит в вашу инспекцию резервного узла.

— И это тоже знаю.

Селин отвернулась к транспортному расписанию.

— Я могу запросить сведения, которые непосредственно связаны с технической программой.

Адам кивнул.

Не стал требовать большего.

Его полномочия не давали права читать всю инвестиционную историю города только потому, что один из планов показался тревожным.

Но вопрос уже возник. И не собирался исчезать.

* * *

Вечером он отправился обратно в первый город, хотя разрешение на возвращение теперь казалось почти обидно предусмотрительным.

Перед посадкой ему позвонила Ева.

— Ты где?

— В терминале.

— То есть уезжаешь?

— Сегодня да.

— Ты же говорил, что останешься на два дня.

— Испытания завершили раньше. Мне нужно сверить документы с нашим архивом.

Несколько секунд Ева молчала.

— Понятно.

— Я хотел зайти, но…

— Не надо, пап.

— Что?

— Не надо придумывать, что ты хотел. Я сегодня до позд-

него вечера на заводе. Ты бы меня всё равно не застал.

Адам сел на свободное место у выхода.

— Я правда хотел тебя увидеть.

— Знаю.

Она сказала это спокойно. Он не понял, поверила ли она.

— На следующей неделе приеду, — пообещал Адам.

— Ты говорил.

— Теперь точно.

— Хорошо. Только предупреди заранее. Не хочу, чтобы ты снова стоял под дверью, пока я работаю.

Он усмехнулся.

— Я ни разу не стоял под дверью.

— Потому что я тебе код дала.

На этот раз они оба засмеялись.

Потом Ева сказала:

— Пап, а у вас там всё серьёзно? С проверкой?

Он посмотрел через стекло на освещённый пассажирский зал. На женщину с ребёнком, на человека с сумкой пирогов, на группу работников, обсуждавших график смен.

— Пока не знаю, — ответил он. — Есть вопросы к документам.

— Это из-за нашей линии?

— Я ещё не установил связи.

— Когда установишь, скажешь?

Адам хотел ответить «конечно» сразу. Но вспомнил, как легко обещание превращается в то, за что потом придётся

отвечать.

— Скажу, что смогу подтвердить, — произнёс он.

— Ладно.

— Ева.

— Да?

— Я сегодня увидел ваш сад. С деревом.

— Нашла чем удивить, да?

— Красивый.

— Это ты сейчас серьёзно?

— Серьёзно.

— Оно ещё маленькое. Надя говорит, что через двадцать лет мы станем слишком старыми, чтобы спорить под ним о работе.

— Для этого необязательно ждать двадцать лет.

— Тебе-то легко говорить.

Он улыбнулся.

— До связи.

— До связи, пап.

* * *

В обратном транспорте Адам не открывал рабочие документы почти час.

Он смотрел на дорогу и думал о том, что увидел.

Не о красных или зелёных индикаторах. Не о спорных мощностях.

О музыкальной школе. О дереве, которое посадили девять лет назад. О молодой семье у автомата с водой. О мужчине с

пирогами, который, вероятно, уже сидел дома и слушал рассказ жены о том, как прошёл её день.

Первый город тоже когда-то начинался с нескольких галерей и маленьких объявлений на стенах. Люди не сразу называли его домом. Сначала говорили «станция», «комплекс», «жилой модуль».

Потом у них появились свои деревья.

Адам открыл фотографию плана развития.

Подпись «замещение устаревающих жилых фондов» не давала ответа на главный вопрос: что именно планировали перенести и на каких условиях?

Он запросил в открытом реестре историю программы.

Появились три версии.

Первая — девятилетней давности, утверждённая вместе с расширением общего резервного комплекса.

В ней Второй Марс рассматривался как промышленный узел и будущая площадка для размещения части населения при реконструкции старых секторов. Программа указывала на необходимость обеспечить переселяемым жителям достаточную жилую ёмкость и сохранение доступа к городским службам.

Вторая версия, несколькими годами позднее, делала упор на самостоятельное промышленное развитие второго поселения.

Третья — действующая — содержала общие цели расширения и строительства, но в открытой части уже не приводи-

ла прежнего объёма обязательств по размещению жителей из первого города.

Адам проверил отметки об изменениях.

Ни одна из версий не говорила прямо, что переселение отменено. Но и прежнюю гарантию он больше не видел.

Он открыл карточку технических связей.

Рядом с программой жилого развития стояла ссылка на тот же резервный комплекс, который он осматривал днём.

Адам сверил номера.

Совпадали.

Он почувствовал неприятную тяжесть под рёбрами.

Дело не сводилось к тому, что одна энергетическая установка оказалась включена в два расчёта.

Возможности, которые когда-то должны были помочь первому городу расширяться и безопасно реконструировать старые районы, теперь поддерживали отдельную программу будущего второго поселения.

Возможно, обе задачи можно было совместить.

Возможно, и исходные гарантии остались действующими.

Но кто-то должен был доказать это на документах, а не на рекламных изображениях и зелёных статусах.

Транспорт пошёл на снижение скорости перед последним внешним шлюзом.

Адам открыл служебные заметки и написал:

«Проверить историю изменения обязательств по размещению жителей первого города. Установить, кем согласова-

ны новые условия использования общего резервного комплекса. Не делать выводов до получения договорных приложений».

Он сохранил запись.

За окном впереди возникли огни первого города.

Адам вдруг подумал о Закарии Хаддаде. Тот много лет назад сказал ему, что самые опасные ошибки начинаются не тогда, когда перестаёт работать оборудование.

А тогда, когда люди перестают одинаково понимать, для чего оно было построено.

В тот день Адам ещё не знал, что часть его города могут однажды признать слишком дорогой для сохранения.

Он знал только, что в одном из прежних приложений были обозначены места для переселяемых семей, а в открытой части нового приложения их уже не перечисляли.

Адам сохранил обе редакции рядом. Названия файлов отличались всего четырьмя цифрами года.

На следующей смене он собирался выяснить, в каком решении изменились обязательства — и кто его подписал.

Глава 6. Дочь

Ева открыла дверь, держа в одной руке кухонное полотенце, а в другой — отвертку.

— Я тебе говорила, — сказала она вместо приветствия.

Адам остановился на пороге.

— Что именно?

— Что если приедешь без предупреждения, получишь неприятный сюрприз.

— Я предупредил утром.

— Утром ты написал: «Постараюсь быть после смены». Это не время. Это состояние души.

Он хотел ответить, но она уже обняла его. Отвертка холодно уперлась ему в плечо.

— Осторожнее, — сказал Адам. — Ты вооружена.

— Пригодится, если будешь проверять мою квартиру.

Она отпустила его, и он увидел на её щеке узкую полоску муки.

— Ты что готовишь?

— Пока не знаю. По плану — ужин.

— А на деле?

— Проводим испытания.

Адам вошёл. Ева отступила, пропуская его, и откинула со лба прядь волос тыльной стороной руки. Мука осталась на щеке.

Он не стал говорить ей об этом сразу. Почему-то хотелось сохранить эту маленькую подробность ещё на минуту.

* * *

Адам приехал на Второй Марс в свободный от основной смены день. Он заранее согласовал поездку с Линой и оставил служебный терминал в транспортной сумке. На этот раз действительно не собирался осматривать ни одну распределительную станцию.

Он обещал дочери вечер.

Три года назад, когда Ева впервые получила жильё здесь, Адам помогал перевозить её вещи. Тогда квартира представляла собой голые стены, два складных стула и коробки, на которых они ели ужин. Ева объявила, что больше всего ей нравится в новом доме отсутствие его постоянных советов.

Спустя полчаса попросила помочь повесить полку.

Теперь полка всё ещё висела над столом. На ней стояли книги, небольшой контейнер с зеленью и прозрачная банка с металлическими шайбами.

— Это зачем? — спросил Адам, указав на банку.

— Чтобы ты задал вопрос.

— Серьёзно.

— Честно? Когда переезжала, всё ссыпала туда, а потом было жалко выбрасывать. Сейчас привыкла.

Адам осмотрел комнату. Она стала теснее, чем помнилась: на стенах появились рисунки в тонких рамках, возле кресла — стопка книг, на подоконнике — лампа над трава-

ми. У дивана лежал мягкий коврик, угол которого кто-то аккуратно подшил нитью другого цвета.

На стене висела фотография Евы с Надей и ещё тремя сотрудниками. Они стояли у открытого корпуса производственной линии, уставшие, неопрятные и счастливые. Ева держала в руках табличку с крупной цифрой «0».

— Ноль чего? — спросил он.

— Ноль ошибочных захватов за десять тысяч циклов.

— Красиво.

— Ты даже не представляешь, насколько.

— Представляю. Я работал с автоматикой ещё до твоего рождения.

— Именно. По твоим рассказам, тогда всё управлялось палкой и угрозами.

Он засмеялся.

— Не всё.

— Ладно, помоги мне лучше с ужином. Хочешь есть?

— Очень.

— Хорошо. Тогда сделаем вид, что я готовила к твоему приезду.

На кухонной поверхности стояли три небольшие ёмкости и миска теста. Рядом лежал лист с рецептом, перечёркнутый так много раз, что прочитать исходные пропорции было невозможно.

Адам увидел разобранный привод кухонного смесителя.

— Ты его сломала?

— Он перестал вращаться.

— И ты вскрыла корпус?

— Нет, пап. Я долго смотрела на него с укором, пока он сам не раскрылся.

Она протянула ему отвертку.

— Посмотри? Только без комментариев про технику безопасности. Питание снято, конденсаторы разряжены. Я не ребёнок.

Адам взял привод, осмотрел вал и слегка повернул его рукой.

— Кто-то поставил чашу с перекосом.

— На этот раз нет.

— Ты уверена?

— На этот раз — да.

Он заметил прилипшую под уплотнением сухую крошку. Осторожно извлёк её.

— Значит, у тебя очень трудолюбивое тесто.

Ева заглянула через плечо.

— Это всё?

— Попробуй.

Она собрала корпус, включила смеситель. Тот плавно заработал.

— Знаешь, — сказала Ева, — я могла справиться сама.

— Конечно.

— Просто хотела дать тебе почувствовать себя полезным.

— Очень благородно.

Она улыбнулась и обняла его за талию одной рукой. Адам не двигался, пока она не отстранилась.

* * *

Еда удалась не сразу.

Первая порция лепёшек пристала к поверхности, которую Ева называла «совершенно надёжной». Во второй не хватало соли. Третью они разделили пополам прямо у плиты, не дожидаясь остальных блюд.

Адам сидел на низком табурете и чистил овощи. Ева спорила с таймером духовки, который отказывался учитывать внесённые ею исправления.

— У тебя на работе всё тоже приходится уговаривать? — спросил Адам.

— Нет. На работе оборудование хотя бы не делает вид, что знает рецепт лучше меня.

— А ты знаешь?

— Нет. Но я человек, мне положено ошибаться.

Она положила перед ним маленькую миску.

— Попробуй соус.

Адам попробовал.

— Хороший.

— Это означает «хороший» или «я боюсь испортить вечер»?

— Оба варианта.

— Значит, острый.

Он не возразил. Вода помогла не сразу.

Когда они наконец сели за стол, Ева поставила между ними небольшую бутылочку сока и два стакана — разные, ни один не из одинакового набора.

— Надя говорит, у меня слишком мало одинаковых вещей, — заметила она.

— Для чего?

— Для приличного взрослого человека. У неё дома всё по цветам. Она даже крышки подбирает.

— А у тебя?

— У меня однажды пропала крышка. Я решила, что это знак.

Он взял стакан с тонкой трещиной в наружном декоративном слое.

— Этот ещё жив?

Ева проследила его взгляд.

— Жив. Ты же сам его привёз.

— Помню.

— Не помнишь. Три года назад ты сказал, что у меня нет нормальной посуды, и купил четыре стакана. Два разбились при переезде, один забрала Надя. Этот остался.

— Я помню, что покупал.

— Это уже достижение.

Адам посмотрел на неё.

— Ты сегодня решила припомнить всё, что я забыл?

Ева перестала жевать.

Он пожалел о вопросе почти сразу: произнёс его слишком

резко.

— Нет, — сказала она. — Я вообще-то шутила.

— Я тоже.

— Нет. Сейчас уже нет.

Тишина продлилась несколько секунд. За стеной кто-то засмеялся; из коридора донеслись шаги.

Адам положил вилку.

— Прости. Глупо вышло.

Ева пожала плечами.

— Бывает.

Он хотел объяснить, что последние дни почти не спал, но удержался. Ева видела его усталость и без объяснений. Они договорились провести вечер вместе; это не было отчётом о его служебной нагрузке.

— У тебя хороший дом, — сказал Адам.

Ева посмотрела по сторонам, словно пыталась увидеть квартиру чужими глазами.

— Тесный.

— Я не про размер.

Она чуть улыбнулась.

— Тогда спасибо.

После ужина они убрали посуду. Ева вытирала стол, Адам мыл миски; на второй он обнаружил скол и хотел предложить замену, но вовремя остановился.

Дочь заметила.

— Говори.

— Ничего.

— Пап.

— У тебя миска со сколом.

— Она не под давлением.

— Я понимаю.

— Тогда оставь её в покое.

Он поднял руки, признавая поражение.

* * *

Они вышли из квартиры ближе к вечеру. Ева предложила пройтись по жилой галерее — не по служебным маршрутам, которыми Адама водили на инспекции, а по тем местам, где она обычно бывала после работы.

У небольшого окна в общественном переходе стояли трое подростков и спорили, кому принадлежит право первым испытать самодельную модель планетохода. Один из них держал пульт, второй — сломанную ось, третий давал советы, явно не имея представления о конструкции.

— Я в их возрасте тоже собирала такие, — сказала Ева.

— Ты собирала роботов из моих запасных частей.

— Потому что ты запрещал трогать инструменты, но оставлял детали на виду.

— Я не запрещал. Я просил возвращать всё на место.

— То есть запрещал.

У стены висела доска с объявлениями. Ева остановилась у списка добровольцев для школьного кружка.

— Надя записалась вести занятия по контроллерам, —

сказала она. — Вечно утверждает, что терпеть не может детей. А теперь третью неделю возвращается оттуда счастливая.

— А ты?

— У меня сейчас смены. Иногда помогаю с программой. Там одна девочка придумала совершенно нелепый способ измерять отклонение колеса. Он, кстати, работает.

— И ты хочешь его проверить?

— Конечно. Я же твоя дочь.

В конце перехода они вошли в сад, который Адам видел с Селин во время инспекции. Вечером там было люднее. Вдоль дорожек горели мягкие светильники. Около деревьев стояли низкие лавки. В одном углу ребёнок уснул у матери на коленях, и та, боясь его разбудить, неподвижно смотрела на небольшое растение перед собой.

Ева подошла к молодому лимонному дереву.

— Вот это Надя считает главным жителем нашего квартала.

— Я видел его.

— Вчера?

— Во время инспекции.

Ева обернулась.

— Ты был здесь?

— Проходил по маршруту.

— И не позвонил?

— Ты была на работе.

— Я могла выйти на пять минут.

Адам промолчал.

Она вздохнула и присела на край лавки.

— Не надо объяснять. Я знаю, что у тебя была проверка.

Он сел рядом.

Некоторое время они наблюдали, как пожилой мужчина объясняет двум детям, почему у дерева пожелтели несколько листьев. Дети слушали неохотно и явно ждали, когда им разрешат потрогать маленький плод.

— Когда ты была маленькой, — сказал Адам, — ты пыталась вырастить зелень в инструментальном контейнере.

— Потому что он был единственный, который ты позволял поставить у окна.

— Я его специально освободил.

— Ты его три недели отмывал.

Он засмеялся.

— Потому что ты насыпала грунт прямо внутрь, поверх контактов.

— Зато выросло.

— Два листа.

— Три.

— Один отвалился.

— И снова вырос. Ты, конечно, этого уже не помнишь.

Она сказала последнее без горечи, и он наконец понял, что шуточное «ты не помнишь» стало для неё привычным способом говорить о вещах, которых ему не хватило времени

заметить.

— Помню контейнер, — сказал он.

— А я помню, как ты принёс лампу. Настоящую, с нормальным спектром. Тебе тогда кто-то сказал, что мои два листа без неё не проживут.

— Три листа, — поправил он.

Ева улыбнулась.

— Ладно. Три.

Адам откинулся на спинку лавки.

— Я не знаю, почему помню это, а не то, что ты два месяца добивалась изменения алгоритма.

Ева сжала ладони на коленях.

— Потому что с лампой ты мог помочь. А с алгоритмом — нет.

— Возможно.

— Я не говорю, что это плохо. Просто иногда мне хочется рассказывать тебе про свою работу, не объясняя, зачем это важно для твоей.

Он повернулся к ней.

— Я понимаю.

— Не уверена.

Она не посмотрела на него, произнося это. В её голосе не было вызова. Только усталость от давно знакомого разговора.

Адам хотел возразить, что гордится её работой, что следил за её проектами настолько, насколько позволяли соб-

ственные обязанности. Но она только что сказала, что ей не нужно доказательство его гордости. Ей нужно, чтобы он слышал.

— Расскажи про девочку с колесом, — попросил он.

Ева недоверчиво усмехнулась.

— Ты сейчас переводишь тему?

— Нет. Я правда хочу знать, что она придумала.

Ева посмотрела на него, потом достала из кармана терминал.

— Ладно. Только не смейся. Там ужасно сделана крепёжная часть.

Она открыла схему. Рассказывала сначала осторожно, выбирая слова, потом всё быстрее. Адам задал два вопроса и с третьим остановился: поймал себя на желании предложить более аккуратное решение.

Ева заметила это и ткнула его локтем.

— Всё. Я вижу. У тебя сейчас появится прекрасный способ сделать правильно.

— Нет.

— Врёшь.

— Есть способ получше, — признался он. — Но твой вариант тоже сработает.

— Вот. Уже прогресс.

Они смеялись, пока один из детей у дерева не обернулся на них с недовольством.

* * *

Обратно они шли медленнее. У выхода из сада Ева встретила Надю. Та несла плоский контейнер и выглядела так, будто ещё один человек, задавший вопрос о работе, получит им по голове.

— А, — сказала Надя. — Знаменитый отец.

— Скорее разыскиваемый, — ответил Адам.

— Вы правда привезли Еве первый набор инструментов?

— Правда.

— Тогда объясните ей, что когда человек устал, он имеет право спать.

Ева возмутилась:

— Я вчера спала.

— Четыре часа — это не сон, это техническая пауза.

Адам посмотрел на дочь.

— Четыре?

— Надя преувеличивает.

— На двадцать минут, — сказала Надя.

Ева взяла у неё контейнер.

— Ты принесла те самые пироги?

— Нет, те самые пироги ушли на производство. Эти для людей.

Надя улыбнулась Адаму.

— Рада познакомиться. Ева о вас рассказывала.

— Надеюсь, не всё.

— Конечно, не всё. На это у нас нет времени.

Она попрощалась и поспешила к транспортному перехо-

ду. Ева проводила её взглядом.

— У неё завтра встреча по новой должности, — сказала она. — Если расширение подтвердят.

— А если нет?

— Останется на прежней. Возможно, ещё на год.

Ева переставила контейнер из одной руки в другую.

— Она делает вид, что ей всё равно. Не верь, если услышишь.

Адам кивнул.

Он вспомнил таблицы нагрузки, которые изучал в диспетчерской второго города. Для него расширение было строкой в расчёте, требовавшей проверки. Для Нади — возможностью не просыпаться ещё год с ощущением, что её жизнь отложена.

Ева уловила перемену в его лице.

— Только не начинай, — сказала она.

— Что?

— Считать сейчас, сколько потребляет наша линия.

— Я не считаю.

— Ты очень характерно молчишь, когда считаешь.

Адам остановился.

— Ева, я не хочу останавливать ваш проект.

— Знаю.

— Я должен проверить условия общей системы.

— Тоже знаю.

— Тогда почему ты злишься?

Она отвернулась к стеклянной перегородке. За ней виднелся освещённый жилой переход.

— Потому что раньше, когда ты приезжал, ты спрашивал, где у меня что сломалось. А теперь я думаю, какой документ ты привезёшь.

Адам почувствовал, как слова попали точно туда, куда она, вероятно, и не целилась.

— Я не привёз документов.

— Сегодня — нет.

Она помолчала, затем взяла его под руку.

— Пойдём. Пироги остынут.

Он пошёл рядом.

* * *

У квартиры Ева остановилась, достала из сумки небольшой предмет и вложила ему в ладонь.

Это была прозрачная тонкая пластина с напечатанным узором. На ней, словно внутри, виднелась крошечная сеть линий.

— Что это?

— Наш образец. Не рабочий, не секретный, не бойся. Мы печатали демонстрационные структуры для школьного занятия. Я оставила тебе одну.

Адам повертел пластину.

— Красиво.

— Только не говори, что её можно использовать в системе охлаждения.

— Я как раз хотел.

— Знаю.

Он убрал подарок во внутренний карман куртки.

— Спасибо.

Ева посмотрела на него.

— Ты правда не останешься?

— Утром проверка по нашему округу. Я обещал Лине быть.

— Понятно.

— Могу перенести.

Она покачала головой.

— Не надо. Мы ведь хорошо провели время.

— Хорошо.

— Вот и всё. Не превращай это в компенсацию.

Адам кивнул.

Она обняла его первой, на этот раз обеими руками. Он почувствовал, что она крепко держится, хотя уже давно не была ребёнком.

— Приезжай ещё, — сказала она.

— Приеду.

— Просто так. Без инспекции, без сломанного смесителя и без лекции о том, как мне правильно жить.

— Смеситель ты сама мне подсунула.

— А я ведь знала, что ты не удержишься.

Он улыбнулся.

— Постараюсь вырваться на следующей неделе.

Ева отступила на полшага.

— Пап. Я не прошу обещать следующую неделю. Если не можешь — скажи.

Адам открыл рот и закрыл. Он уже собирался назвать конкретный день, хотя не заглядывал в расписание.

— Вечером посмотрю смены, — сказал он. — Завтра напишу, когда смогу.

— Вот это больше похоже на тебя. На настоящего.

Она обняла его ещё раз — быстро, пока он не придумал возражение.

* * *

Обратный рейс задержали на двадцать минут из-за дополнительной проверки грузового шлюза. Адам сидел у обзорного экрана, держа в руках пластину, которую подарила дочь.

Он повернул её под светом. Линии внутри меняли оттенок в зависимости от угла. Это был простой демонстрационный образец, и он понимал, как его изготовили. Но от этого пластина не становилась менее удивительной.

На терминал пришло сообщение от Лины.

«По старой программе переселения запросила архивные приложения. Открытая часть неполная. Прежде чем делать выводы, надо выяснить, какие обещания вообще утверждали. Завтра обсудим».

Адам прочитал и отложил терминал.

Рядом с ним сидела женщина с двумя спящими детьми.

Одному было лет шесть, второму меньше. Младший всё время съезжал плечом с её руки. Она поправляла его, не открывая глаз.

Адам вспомнил, как Ева засыпала в транспорте, возвращаясь с занятий. Её голова всегда падала набок, и он боялся лишний раз пошевелиться. Тогда ему казалось, что впереди бесконечно много вечеров, когда они будут возвращаться вместе.

Он провёл пальцем по краю пластины.

Транспорт двинулся.

За защитным стеклом медленно поплыли огни Второго Марса. Их становилось всё меньше, пока за окном не осталась только дорога и тёмная равнина.

Адам убрал пластину в карман и набрал Еве короткое сообщение: «Сел в транспорт. Доеду — напишу».

Отправил и не стал открывать расчёты.

Глава 7. За наш счёт

Первый человек, которого Адам встретил после возвращения, спросил не о поездке.

— Ты не знаешь, что это за наклейки? — спросил Патрик О'Коннор.

Он стоял возле стены у лифта, в рабочей куртке поверх домашней рубашки, и держал в руке квадратный лист с жёлтой полосой. На стене оставалось светлое пятно: наклейку только что сняли.

— Где взял?

— На двери. У всех по коридору такие. Я сперва решил, что опять счётчики проверять будут.

Адам прочитал текст.

«Плановое обследование жилого фонда. Этап предварительного определения объёма реконструкции. Доступ в помещения — по согласованному графику».

Внизу стояло название жилищного фонда первого города и номер заявки на обследование.

— Что-то серьёзное? — спросил Патрик.

— Обычное обследование по состоянию конструкций. По этой бумаге больше ничего не понять.

— А ты бы понял, если бы там было написано?

Адам вернул лист.

— Надеюсь.

— Мой отец говорил, что когда на дверь клеят красивую бумагу, её лучше не снимать. Потом можно доказать, что тебя предупреждали.

— Твой отец ещё говорил не разбирать клапан на кухне.

— И это был его единственный плохой совет.

Патрик пожал плечами, но наклейку обратно не прилепил. Сложил её вчетверо и убрал в карман.

Адам прошёл к своему этажу. У соседней квартиры кто-то выносил два складных стула, дальше пахло тестом и горячим маслом. В коридоре спорили о доставке воды для растений. Всё выглядело так же, как до его поездки.

Только теперь на дверях ряда квартир появились жёлтые квадраты.

* * *

Лина ждала его в техническом центре с распечаткой, хотя распечатывать рабочие документы считала дурной привычкой.

— Ты спрашивал, какие обещания изменились, — сказала она вместо приветствия. — Я выяснила, почему мы ничего не могли найти.

— Почему?

Она положила перед ним два листа.

На первом была схема первоначальной программы восстановления старых секторов. Подписи, даты, перечень дополнительных жилых площадей, которые предполагалось подготовить до начала масштабной реконструкции. На вто-

ром — решение о переводе части программы на отдельное финансирование.

— Где ты это взяла?

— В открытой части архива жилищного фонда. Оно не было секретным. Просто его никто не привязывал к нашему энергетическому проекту.

Адам быстро просмотрел документы.

Первое решение описывало создание жилого фонда для временного и постоянного размещения жителей, чьи старые модули придётся реконструировать. Второе меняло порядок финансирования этой программы. Теперь её исполнение зависело от нескольких последующих инвестиционных этапов.

— Здесь не сказано, что жильё отменено, — заметил он.

— Именно. И не сказано, что необходимые квартиры готовы.

— Сколько из них построили?

— Не знаю. В текущем отчёте есть площади второго поселения, но нет полного перечня того, что зарезервировано именно под переселение первого.

Адам поставил листы рядом.

— Это ещё не нарушение.

— Ты в последние дни разговариваешь почти исключительно этой фразой.

— Потому что это правда.

Лина присела на край стола.

— Адам, послушай. Есть две разные вещи. У нас вопро-

сы по обеспечению энергетического резерва. И есть изменение жилищной программы. Мы видим, что они связаны одной инвестиционной историей, но пока не знаем, какие права возникли у жителей.

— Знаю.

— Тогда не подавай их вместе как одну раскрытую тайну. Нас разнесут по пунктам, и будут правы.

Он посмотрел на неё.

— Я не собираюсь никого обвинять.

— Отлично. Потому что ещё вчера тебя не было в городе, а сегодня по коридорам уже спрашивают, снесут ли тринадцатый сектор.

Адам поднял голову.

— Откуда?

— Оттуда, что на дверях объявления об обследовании. Люди умеют разговаривать. А когда им не объясняют, зачем проверяют дом, они придумывают объяснение сами.

— Обследование ведь плановое.

— Да. Но плановое не значит, что можно обойтись без нормального разговора.

Он вспомнил жёлтый лист в руках Патрика.

— Кто проводит?

— Жилищный фонд. Завтра у них открытая встреча по программе обследований. Ты должен там быть.

— Я не из жилищного фонда.

— Зато весь район считает, что ты знаешь, что происходит

с инфраструктурой.

— Лина…

— Можешь не идти. Только тогда туда придёт Закария, услышит пять разных версий и вернётся к тебе с шестой.

Адам представил наставника на общественных слушаниях и почувствовал усталость ещё до их начала.

— Ладно. Пойду.

— И ещё. У тебя готово уведомление по резерву?

— Почти.

— Прочитаем вместе.

* * *

Они работали над уведомлением до вечера.

Адам несколько раз переписал вводную часть. Сначала она звучала слишком резко, словно комиссия уже установила нарушение. Потом слишком осторожно, будто никто вообще ни в чём не сомневался. Лина читала каждую версию и возвращала с вопросами, на которые он не всегда мог ответить без нового просмотра схем.

В конце получилось три страницы.

В первом разделе — установленный факт: в действующей документации первого города указана гарантированная доступность удалённого резерва при определённых сценариях отказа.

Во втором — установленный факт: после изменения эксплуатационных режимов второго поселения расчёт совместимости этой гарантии не удалось подтвердить имеющими-

ся документами; при инспекции были представлены исправное оборудование и действующая программа Второго Марса, но не согласование её условий с обязательствами первого.

В третьем — запрос: провести независимую проверку расчётных сценариев, подтвердить действующие обязательства и установить необходимость корректирующих мер.

Ни слова о «похищенных» мегаваттах.

Ни слова об угрозе удушья.

Ни слова о чьём-либо преступлении.

— Отправляй, — сказала Лина.

Адам задержал палец над кнопкой.

— Что?

— Ничего.

— Врёшь.

— Я подумал, что на следующей неделе мне могут сказать: «А зачем ты вообще полез, если всё работало?»

Лина забрала у него терминал, но кнопку не нажала.

— А ты что ответишь?

Он не сразу нашёл слова.

— Что гарантию нельзя считать существующей только потому, что её написали в отчёте.

— Вот и ответишь.

Она вернула терминал.

Адам подписал уведомление и отправил его в Инспекцию безопасности поселений.

Система выдала номер регистрации.

Через несколько секунд он увидел отметку: «Принято к предварительному рассмотрению».

Лина убрала со стола бумаги.

— Ну всё. Теперь можно поесть.

— Ты каждый раз после плохих новостей предлагаешь есть.

— Потому что плохие новости редко исчезают после голодовки.

Она заглянула в контейнер с остатками своего обеда и нахмурилась.

— Правда, у меня осталось что-то совершенно неприличное.

— Что?

— Не спрашивай. Лучше пойдём к Патрику. Он обещал пирог.

* * *

На следующий день в общественном зале тринадцатого сектора не осталось свободных мест.

Адам пришёл заранее и сел у боковой стены. У двери стояли родители с детьми, двое работников жилищного фонда проверяли список выступающих. На экране за трибуной было написано: «План обследования и обновления старого жилого фонда».

Закария Хаддад обнаружился в третьем ряду. Он сидел рядом с Патриком и терпеливо пытался объяснить ему, почему снятая с двери наклейка не делает обследование недей-

ствительным.

— Я её не выбросил, — говорил Патрик. — Я её сохраню. Потом покажу.

— Кому?

— Тем, кто спросит.

— Ты всю жизнь ждёшь, пока кто-нибудь спросит.

Адам подошёл.

— Не мешаю?

— Мешаешь, — ответил Закария. — Я почти убедил его вернуть объявление на дверь.

Патрик поднял сложенный лист, как доказательство победы.

— Вот. Сохранён в целости.

— Ты его на четыре части согнул, — заметил Адам.

— Зато никто не украдёт.

Закария подвинулся, освобождая место.

— Сядешь?

— Пока постою.

— Правильно. Стоя легче делать вид, что ты здесь по работе.

Адам усмехнулся и остался возле стены.

Встречу открыла представительница жилищного фонда — Ханна Вейл. Она была немногим старше Евы, говорила спокойно и не пыталась прятаться за формулировками. Адам видел её впервые.

Ханна объяснила: ряд старых жилых модулей достиг воз-

раста, при котором обычные осмотры больше не дают достаточных сведений для долгосрочного планирования. Требуются расширенные проверки оболочек, соединительных узлов и инженерных креплений. Некоторые обследования предполагают временное освобождение отдельных помещений на несколько часов, другие — более сложную подготовку.

Потом она вывела на экран список объектов.

Тринадцатый сектор был в нём.

В зале зашумели.

— Это значит, что нас переселят? — крикнула женщина из середины.

— Нет, — ответила Ханна. — Само включение в перечень обследования не означает решения о переселении.

— Тогда зачем вы показываете новые квартиры?

На экране действительно находилась схема перспективного размещения жителей на случай масштабной реконструкции.

Ханна не стала выключать её.

— Потому что если обследование покажет, что какой-либо объект нельзя безопасно эксплуатировать без крупной реконструкции, нам потребуется план временного или постоянного размещения людей. Мы обязаны рассматривать такие варианты заранее.

— Где эти квартиры? — спросил кто-то.

— Часть существует в первом городе. Часть включена в

программу будущего строительства. Перечень помещений, которые могут быть предоставлены в зависимости от результата обследований, сейчас уточняется.

— То есть ничего нет, — сказал мужчина у задней стены.

— Нет, — ответила Ханна, повысив голос ровно настолько, чтобы её услышали. — Это означает, что нельзя обещать людям конкретные квартиры до того, как будут известны количество нуждающихся в переселении и условия их размещения. Я не стану придумывать адреса, чтобы успокоить зал.

Адам заметил, как Закария медленно кивнул.

Не согласился со всем. Просто признал честный ответ.

Вопросы посыпались один за другим.

Почему раньше говорили о реконструкции, а теперь показывают переселение? Сохранится ли право жить рядом с родственниками? Что будет с мастерскими? Сколько продлится проверка? Можно ли отказаться пускать специалистов домой? Кто заплатит за повреждённую мебель?

Ханна отвечала на то, что знала. Остальное обещала оформить письменно.

Когда слово получил мужчина из пятого ряда, он указал на Адама.

— Здесь инженер Рахман. Он недавно проверял внешние резервы. Может, он объяснит, почему у нас сначала дорожает обслуживание, а потом вдруг оказывается, что старые сектора не нужны?

Несколько голов повернулись.

Адам не ожидал прямого вопроса. Он поднялся.

— Это два отдельных вопроса. Доступность резервной мощности сейчас проверяется инспекцией. А обследование жилых конструкций проводит жилищный фонд. Я не могу утверждать, что одно является причиной другого.

— Но они связаны?

— В некоторых долгосрочных программах финансирования и развития инфраструктуры — да. Насколько именно, мне пока неизвестно.

— Вам ничего неизвестно, а платим мы! — раздалось от входа.

По залу прошёл шум согласия.

— Воздух по подписке, — произнёс кто-то с заднего ряда. Несколько человек усмехнулись. Другие не улыбнулись совсем.

— Не надо пугать людей, — сказала женщина возле прохода. — Никто не отключает нам воздух за долги.

— Я этого и не говорил, — отозвался мужчина. — Я спрашиваю, что у нас в счёте считается гарантированным, если сами инженеры не могут показать условия гарантии.

Адам неожиданно вспомнил Патрика у собственной кухни. Тот спросил почти то же самое ещё до первого служебного запроса.

Патрик поднял руку.

— Я хочу спросить про платежи. Каждый месяц с нас берут деньги на резерв. Я не прошу их вернуть. Я спрашиваю,

где он, этот резерв? Вы его видели?

Адам вспомнил исправное оборудование Второго Марса. Томаса Беккера. Закрытую часть таблицы.

— Видел, — сказал он. — Установка существует и работает.

Патрик развёл руками.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что для гарантии недостаточно существования установки. Нужно подтвердить, что она будет доступна нашему городу именно в предусмотренных условиях отказа.

— То есть мы за неё платим, а будет ли она нашей — неизвестно?

— Я не говорил, что она должна быть нашей собственностью. Речь о праве на мощность и технической возможности её предоставить.

Патрик нахмурился.

— Хорошо. Скажу проще. Если у меня дома отключится свет, внешний резерв сработает?

— В большинстве предусмотренных случаев локальные системы справятся самостоятельно. Для других действует общая схема. Но именно часть её гарантий мы проверяем.

— И пока проверяете, мы будем платить?

Адам остановился. На этот вопрос у него не было короткого ответа.

— Тарифы устанавливаются по договорной процедуре, — произнёс он. — Я могу проверить техническое основание со-

ответствующей части платежа, но не вправе отменять счёт.

— Вот, — сказал Патрик уже тише. — Это-то я и хотел понять.

Он сел.

Адам почувствовал, что отвечает правильно — и всё равно не отвечает на то, что действительно спрашивают люди.

* * *

После перерыва Ханна показала предварительные категории состояния жилых объектов.

Одни подходили для обычной модернизации. Другие требовали дополнительной проверки. Для третьих в перспективе следовало рассмотреть реконструкцию с освобождением помещений.

Тринадцатый сектор оказался сразу в двух категориях: разные модули имели разный возраст и конструкцию.

Адам увидел обозначение дома Закарии среди объектов, где требовалось расширенное обследование.

Пожилой инженер сидел прямо, опираясь ладонями на колени. Он не поднял руку и не задал ни одного вопроса.

Адам хотел подойти, но на сцене его вызвали как технического консультанта. Ханна попросила пояснить, могут ли старые системы резервирования использоваться во время ремонта.

Он ответил, что некоторые участки возможно временно поддержать дополнительными источниками и изолированными контурами, однако без испытаний нельзя обещать их

работоспособность или срок службы.

— Значит, есть варианты? — спросила женщина в первом ряду.

— Есть варианты для проверки.

— И вы будете их проверять?

— Да.

— Все?

Он посмотрел на Ханну, потом на список объектов.

— Те, которые технически обоснованы. Если есть возможность сохранить безопасную эксплуатацию сектора, её надо рассмотреть прежде, чем принимать окончательное решение.

Кто-то зааплодировал.

Не все. Несколько человек.

Ханна кивнула, словно и сама хотела этого ответа.

Адам продолжил:

— Но я не обещаю, что каждый старый модуль можно сохранить. У нас пока недостаточно данных.

Аплодисменты стихли. Он увидел женщину у окна: она вытерла лицо рукавом и отвернулась. На соседнем кресле её сын — лет двенадцати — следил за Адамом с таким вниманием, будто пытался запомнить каждое слово.

— А кто будет решать, что дорого? — спросила женщина. — Вы? Или те, кому наши дома мешают?

Ханна взяла микрофон.

— Окончательные решения принимаются после обследо-

ваний, обсуждения вариантов и утверждения программы с гарантиями для жителей. Никакого решения о закрытии вашего дома сегодня нет.

— Тогда зачем торопитесь?

— Потому что обследовать конструкции до опасного состояния разумнее, чем после.

На этот раз в зале стало тихо.

Адам посмотрел на старую схему над трибуной. На ней инженерные узлы были показаны аккуратными прямоугольниками. Между ними тянулись линии.

Нигде не было нарисовано, как люди выбирают, что положить в коробку первым.

* * *

Вечером Закария не пригласил его к себе.

Он просто пошёл рядом с Адамом по переходу и молчал так долго, что тот наконец спросил:

— Ты обиделся?

— На кого?

— На меня.

— А ты уже решил, что виноват?

Адам не ответил.

Они прошли мимо мастерской, возле которой двое работников пытались пронести длинную панель. Закария придержал дверь. Один из них поблагодарил его, не узнав.

— В твоём доме действительно хотят провести дополнительные обследования, — сказал Адам. — Но это не приго-

вор.

— Я видел.

— Я попробую узнать, какие варианты реконструкции они уже считали.

— Попробуешь — узнаешь. Или нет.

— Что с тобой?

Закария остановился у входа в жилую галерею.

— Знаешь, что меня сегодня удивило? Не эти схемы. И не разговоры о деньгах.

— Что?

— Я понял, что не знаю, где живут люди, которые будут решать, можно ли мне остаться здесь. И они, наверное, не знают, где живу я.

Адам посмотрел на дверь старого модуля.

— Некоторые знают.

— Тогда хорошо.

Они вошли в квартиру Закарии. Тот включил свет в кухне, поставил греться воду и снял с полки две чашки. Одну — обычную, тяжёлую, из светлой керамики, с маленькой тёмной трещиной у ручки.

Адам знал эту чашку всю жизнь.

— Я её помню, — сказал он.

— Ещё бы. Ты однажды разбил вторую из набора.

— Она сама упала.

— Конечно. В детстве у тебя даже сила тяжести ошибалась.

Закария сел. Некоторое время они пили чай, не возвращаясь к слушаниям.

Потом пожилой инженер спросил:

— Ты был у Евы?

— Был.

— Хорошо провели время?

— Хорошо.

— И как она?

— Устала. Работает много. У них проект расширения.

— Ты о работе рассказываешь. Я про неё спрашиваю.

Адам поднял глаза.

Закария грустно улыбнулся.

— Вот именно.

Адам рассказал о дереве, о Наде, о школьном кружке, о том, как они вместе готовили ужин. Закария слушал и иногда задавал вопросы, на которые у Адама неожиданно находились длинные ответы.

Когда тот замолчал, Закария повернул чашку в руках.

— Значит, хороший у неё дом.

— Хороший.

— Рад за неё.

— Я тоже.

Закария провёл большим пальцем по старой трещине на ручке.

— Здесь лет сорок назад не было даже этой кухни. Мы ели в общей столовой, помнишь? Нет, ты тогда ещё маленьким

был.

Адам кивнул.

— Помню столовую.

— Я эту чашку купил потом. Когда впервые сделали нормальный магазин. Представляешь, как мы радовались? Не оборудованию. Чашкам. Потому что можно было выбрать, из чего пить.

Он усмехнулся.

— Смешно, наверное.

— Не смешно.

— Вот поэтому я и не хочу, чтобы люди говорили про мою квартиру как про старую коробку. Они правы: она старая. Но я не в коробке живу.

Адам долго молчал.

— Я сделаю всё, чтобы они проверили возможность сохранить этот сектор.

Закария поднял глаза.

— Проверили?

— Да.

— А если ответ будет плохим?

— Тогда будем искать другой.

— Адам.

— Что?

— Ты сейчас говоришь как инженер или как человек, которому трудно мне отказать?

Вопрос оказался неожиданно болезненным.

Адам посмотрел на чашку, на руку наставника, на аккуратно починенный шкаф рядом со столом.

— Я ещё не знаю, что здесь возможно, — сказал он. — Но не хочу, чтобы решение приняли, даже не проверив варианты.

— Это я понимаю.

Закария поставил чашку.

— Только ты, пожалуйста, не делай из моего дома повод доказывать, что ты всегда прав. Если придётся переезжать, я хочу сам это решить. Насколько вообще дадут.

Адам почувствовал, что краснеет.

— Я не собирался.

— И хорошо.

Закончив чай, они вместе убрали со стола. Закария не позволил ему вымыть чашку — сказал, что тот всегда ставит её не туда и потом приходится искать.

Адам пошёл к двери.

— Ты ведь придёшь на следующий осмотр? — спросил Закария.

— Если назначат.

— Приходи даже если не назначат. У нас с тобой там давно нет праздника.

— Приду.

— И с Евой познакомь меня как следует, когда она в следующий раз приедет. А то всё слышу рассказы, а она уже совсем взрослый человек.

Адам обещал.

На лестничном переходе он остановился и посмотрел назад.

За дверью Закарии горел свет.

Просто свет в старой квартире.

Он не мог представить, как однажды здесь может оказаться пусто.

* * *

Через два дня Инспекция безопасности поселений сообщила о начале предварительной проверки. Для анализа запросили комплект действующих расчётов, документы по пересмотру резервных обязательств и журналы испытаний. Корпорации направили запрос на предоставление недостающих материалов.

В официальном уведомлении не было ни слова о виновных.

Но в городских обсуждениях они появились сразу.

Одни считали, что корпорация давно знала о проблеме. Другие говорили, что Адам поднял тревогу из-за отсутствия нескольких файлов и теперь все будут расплачиваться за его упорство. Третьи были убеждены, что расследование связано с будущим закрытием старых секторов, хотя подтверждений этому не существовало.

Патрик пришёл к нему в технический центр с двумя вопросами и целым листом записей от соседей.

— Это мне передали, — сказал он. — Я не организатор,

если что.

— А кто организатор?

— Соседи. Я просто мимо проходил.

Лина посмотрела на лист.

— Очень случайно, с сорока подписями.

Патрик смутился.

— Люди хотят знать, что происходит.

Адам просмотрел вопросы. Большинство касалось не энергетики. Где жить после обследования? Будут ли разбирать старый сад? Останется ли медицинский пункт? Смогут ли семьи из одного перехода переехать рядом?

На последней строке кто-то написал неровным почерком: «Скажите нам хотя бы заранее».

Адам перечитал её.

— Я могу передать жилищному фонду вопросы по переселению, — сказал он. — И помочь проверить технические варианты. Но ответы на всё сразу не обещаю.

Патрик кивнул, потом спросил:

— А сектор-то реально можно спасти?

Лина отвернулась от своего терминала.

Адам почувствовал её взгляд.

Он вспомнил первое обследование, старые конструкции и пока ещё закрытые расчёты. Сказать «да» означало солгать. Сказать «нет» означало решить вопрос до проверки.

— Для некоторых модулей, возможно, есть варианты реконструкции, — ответил он. — Надо считать. Испытывать.

Смотреть, какие нужны ресурсы.

— То есть шанс есть?

— Шанс проверить есть точно.

Патрик улыбнулся так широко, будто услышал совсем другое.

— Вот. Я так и скажу.

— Патрик, подожди. Я не обещал…

Но тот уже складывал бумаги.

— Нет-нет, я понял. Не обещал. Просто теперь хотя бы есть за что бороться.

Он вышел прежде, чем Адам успел подобрать слова.

Лина долго смотрела на закрывшуюся дверь.

— Ты сейчас заметил? — спросила она.

— Что?

— Как он услышал не то, что ты сказал.

Адам устало опустился в кресло.

— Я же уточнил.

— Уточнил. И всё равно отпустил его с надеждой, которая у тебя пока ничем не обеспечена.

— Что мне надо было сделать? Сказать, что не буду искать варианты?

— Нет. Надо было не позволять ему думать, что поиск уже означает решение.

Адам не ответил.

Через минуту Лина смягчилась.

— Мы проверим, — сказала она. — Только давай сначала

получим исходные данные. А потом будем говорить людям, что можно сделать.

Он кивнул.

И всё же, когда вечером он увидел у лифта двух соседок, обсуждавших, как инженер Рахман «нашёл способ не отдавать дома», Адам не остановился, чтобы их поправить.

Он устал. Ему предстояло просмотреть десятки расчётов. Он подумал, что разъяснит всё позже — когда будет больше сведений, когда станет ясно, какие варианты доступны, когда слова не принесут столько тревоги.

Одна из женщин заметила его.

— Адам! — позвала она. — Правда, что наш сектор ещё можно сохранить?

Он остановился.

На миг ему захотелось ответить одним словом.

Вместо этого сказал:

— Я выясню.

— Спасибо, — ответила она. — Мы знали, что ты нас не оставишь.

Адам открыл рот, чтобы уточнить: «Я ничего ещё не нашёл». Женщина уже улыбалась соседке.

— Я правда пока не знаю, — произнёс он.

Она кивнула, не переставая улыбаться.

— Конечно. Но вы хотя бы ищете.

Он мог остановить их и повторить, что поиск — не гарантия. Вместо этого пожелал спокойного вечера и ушёл.

Когда он добрался до квартиры, на двери была та же жёлтая наклейка, что и у Патрика.

Его собственный дом тоже включили в график обследования.

Адам снял лист, аккуратно расправил его на ладони и долго смотрел на дату.

Потом прикрепил обратно.

В коридоре над лифтом горел зелёный индикатор.

На этот раз он не стал искать в нём утешения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОЙНА ЗА БУДУЩЕЕ

Глава 8. Те, кто остаётся

На тридцать седьмой день Адама Рахмана разбудили звонком в дверь.

Он уже собирался на работу, поэтому раздражение пришло не сразу. Сначала он решил, что Патрик снова принёс чей-нибудь неисправный контроллер. Потом увидел на дверном экране троих незнакомых людей: мужчину с папкой, женщину и маленькую девочку, которая держала её за рукав. Девочка прижимала к груди сложенный лист. Адам различил только нарисованный синим карандашом прямоугольник с тремя окнами.

— Вы инженер Рахман? — спросила женщина, едва он открыл.

— Да.

— Нам сказали, вы занимаетесь нашим сектором.

Адам посмотрел на мужчину. Тот торопливо вытащил из папки несколько листов.

— Мы из шестнадцатого. У нас сейчас собрание, но там никто толком не объясняет. Можно буквально один вопрос?

— Я не занимаюсь вашим сектором. Я проверяю инженерные варианты для отдельных объектов и документы по общей инфраструктуре.

Женщина переглянулась с мужчиной.

— Значит, нам неправильно сказали?

— Что именно?

— Что вы нашли резерв, с которым дома можно не закрывать.

Адам почувствовал неприятное знакомое напряжение.

— Я такого не говорил.

— Мы и не знаем, что вы говорили, — ответила она. — Мы вчера только получили уведомления. У нас мать мужа после операции, ей нельзя далеко переезжать. Девочка здесь в школе. Нам говорят, ничего не решено. А уже предлагают посмотреть квартиры в новом секторе.

Маленькая девочка попыталась спрятаться за её ногу. В руках она держала скомканный бумажный пакет, из которого торчал край рисунка.

— Квартиры предлагают посмотреть добровольно, — сказал Адам. — Это не уведомление о выселении.

— Я умею читать, — резко ответила женщина.

Он замолчал.

— Простите, — добавила она. — Я третью ночь не сплю.

— Понимаю.

— Нет, — сказала она без злости. — Вы, наверное, понимаете, как у вас всё устроено. А я понимаю только, что нам

дали список вещей, которые нельзя повреждать при осмотре. И сказали убрать шкаф от стены. Шкаф туда поставил мой отец. Его уже нет.

Мужчина осторожно коснулся её плеча.

— Мария, мы же договорились просто спросить.

— Я и спрашиваю.

Адам отступил в сторону.

— Зайдите на минуту.

— Нет, спасибо, мы…

— Вы правы. Я плохо ответил. Зайдите, я покажу, что мне известно, а чего я не знаю.

Он не успел убрать с кухонного стола вчерашнюю посуду. Женщина сделала вид, что не заметила. Мужчина усадил девочку у края стола и развернул свой терминал.

Звали его Омар Нассар. Женщину — Мария Вега. Они жили в соседнем секторе восьмой год. Прежде у них была квартира поменьше, но после рождения дочери перебрались ближе к школе и медицинскому пункту.

Омар показал Адаму сообщение из жилищного фонда.

Плановое расширенное обследование несущих соединений и герметичных узлов. Подготовительная консультация по возможным вариантам временного размещения.

Ниже стояла дата первичного осмотра — через одиннадцать дней.

— Видите? — сказал Омар. — Пока «временное». А на

собрании говорят, что некоторые модули вообще невыгодно ремонтировать.

— На собрании обсуждали предварительные варианты, — ответил Адам. — Экономическое решение нельзя принимать до технического заключения.

— А бывает наоборот?

Адам хотел ответить, что не должно. Но Омар смотрел на него не как человек, желающий услышать красивое правило. Он ждал ответа, которому можно будет доверять.

— Бывает, что проекты готовят заранее, — сказал Адам. — Это не означает, что их уже утвердили. И не должно означать.

Мария села напротив.

— Вы можете проверить наш дом?

— Не лично каждый дом. Я могу запросить основания обследования и передать вопросы группе, которая отвечает за ваш модуль.

— А можно, чтобы вас там было видно? — спросила она. — Когда они придут.

— Если мой допуск и график позволят.

— То есть нет.

— То есть я не хочу обещать то, что не смогу выполнить.

Девочка вытянула из пакета рисунок. На нём были люди возле большого дерева. Над ними жёлтым карандашом шёл неровный круг.

— Это наш сад, — объяснила она Адаму.

— Красивый.

— Мы там прятали корабль.

— Какой корабль?

— Маленький. Из конструктора. Потом его кто-то нашёл.

— Наверное, расстроилась.

Девочка подумала.

— Нет. Он был плохой корабль.

Омар впервые улыбнулся.

Адам тоже.

Когда они ушли, он долго стоял перед дверью. За последние дни он научился почти безошибочно объяснять различие между обследованием и решением о переселении. Но люди продолжали приходить и спрашивать, можно ли оставить их дом.

Его точные слова ничего не меняли в том, что они боялись услышать.

* * *

Лина встретила его в техническом центре с сообщением, которое он не хотел получать.

— Наши расчёты старого контура отклонили на предварительной проверке.

Адам остановился у стола.

— На каком основании?

— Недостаточно сведений о состоянии переключательных узлов. И они правы.

— Мы ещё не подавали заключение о готовности.

— Подали оценку возможного использования. В ней есть фраза «может обеспечить устойчивую эксплуатацию нескольких жилых модулей». Без условий.

— Условия ниже.

— На четвёртой странице. А первую читают все.

Адам посмотрел на экран. Документ составляла не Лина и не он: младший сотрудник собрал рабочую таблицу, добавил краткое резюме, и копия ушла по внутренней цепочке согласования. Это была предварительная оценка, а не заявление о готовой технологии. Однако её уже переслали в жилищный фонд.

— Кто отправил наружу? — спросил Адам.

— Внутри программы это не считается «наружу». На документе стоит пометка для ознакомления. И он не секретный.

— Верните на доработку.

— Уже вернула.

На соседнем экране появилось уведомление от городского информационного канала. Лина нажала на него, но Адам уже успел прочитать заголовок:

«Старые жилые сектора можно сохранить: инженеры изучают восстановление резервной сети».

Он открыл материал.

Там не было откровенной лжи. В статье указывалось, что группа специалистов оценивает возможность использования выведенного из эксплуатации контура и что техническая го-

товность пока не подтверждена. Но перед этим приводились слова одного из жителей: «Нам сказали, что выход есть».

Ниже была фотография Адама с общественной встречи.

— Ну вот, — сказал он.

Лина сняла очки.

— Я вчера предлагала отправить пояснение.

— Отправим сегодня.

— Хорошо. Только не начинай с того, что люди неправильно тебя поняли.

— А что сказать?

— Что **ты** недостаточно ясно объяснил, насколько рано делать выводы.

Адам хотел возразить. Не стал.

Через двадцать минут они составили короткое техническое разъяснение: старый резервный контур находится в стадии предварительного изучения, его пригодность не подтверждена испытаниями, а возможность сохранить жилые модули зависит также от состояния конструкций и наличия ресурсов.

Адам перечитал текст три раза.

Потом добавил последнюю фразу:

«Я понимаю надежду жителей на сохранение домов, но не имею оснований обещать такой результат».

Отправил на городской канал и в жилищный фонд.

— Теперь правильно? — спросил он.

— Правильнее, — ответила Лина.

Она не выглядела довольной.

— Что ещё?

— Мы с тобой обсуждали проблему с нагрузкой второго города. Они прислали уточнение.

В документах не было официального признания нарушения. Оператор подтвердил наличие актуальных расчётов и сообщил, что полные договорные условия предоставляются инспекции безопасности в рамках начатой проверки. До завершения процедуры режимы эксплуатации оставались прежними, а необходимые ограничения на развитие новых нагрузок должны были оцениваться отдельно.

— Звучит разумно, — сказал Адам.

— Вплоть до того момента, когда станет понятно, кто именно должен оплачивать новые меры.

Он посмотрел на Лину.

— Ты давно так думаешь?

— С тех пор как поняла, что один и тот же резерв нужен людям с обеих сторон. Нам придётся не только доказать, что мы правы, Адам. Нам придётся сказать, кто ради этого уступит.

* * *

К вечеру в секторе тринадцать собрались жители трёх соседних галерей.

Сначала они собирались просто обменяться списками вопросов к обследованию. Потом кто-то принёс проект коллективного обращения. Наконец Патрик О'Коннор предложил

пригласить представителя жилищного фонда и Адама.

Адам пришёл поздно, когда уже спорили о формулировке первого абзаца.

— Не «просим рассмотреть», — сказала женщина у входа. — «Требуем отказаться».

— От чего отказаться? — ответил Патрик. — Они пока ничего не решили.

— Тогда тем более пусть не решают!

Несколько человек заговорили одновременно.

Патрик заметил Адама и махнул рукой.

— Он пришёл. Сейчас объяснит.

Адам не двинулся.

— Я не могу объяснить решение, которого ещё нет.

— Тогда объясни обследование, — ответил Патрик.

Ему освободили место за длинным столом. Перед Адамом лежали распечатанные уведомления, фотографии старых инженерных узлов, перечень вопросов и рисунок дерева, похожий на тот, что показывала девочка утром.

Мария Вега тоже была здесь. Она кивнула ему из второго ряда.

— Хочу сначала сказать одну вещь, — начал Адам. — Никто из нас не должен считать предварительный инженерный вариант гарантией сохранения жилья. Мой отдел ещё не проверил резервный контур. А даже если он заработает, это не отменит проверок самих конструкций.

В зале стало шумно.

— Значит, всё-таки закрывать будут? — спросил мужчина у стены.

— Я не знаю. Поэтому и требую обследований.

— Вы же сказали, что можете найти способ!

— Я сказал, что способ нужно искать.

Патрик поднялся.

— Давайте не будем превращать это в допрос. Он помог нам добиться проверки.

— А когда проверка покажет, что жильё плохое, кто поможет? — спросила Мария.

Она говорила спокойно, но именно поэтому её было слышно лучше других.

— Вы дали нам список вопросов, — продолжила она. — Хорошо. Мы их написали. Нам ответят через десять дней. А квартиры смотреть предлагают уже сейчас. Я не хочу ругаться с инженерами. Я просто хочу знать, могу ли обещать дочке, что в следующем году она пойдёт в ту же школу.

Никто не ответил.

Адам посмотрел на неё.

— Пока не можешь получить такую гарантию от меня, — сказал он. — Но ты вправе потребовать от жилищного фонда конкретный план. Не общие слова, а что будет со школой, с медицинским пунктом, с семьями, если переселение понадобится.

— А вы поможете?

— С техническими вопросами — да. И с тем, чтобы от-

веты не потерялись между подразделениями.

Патрик начал записывать.

— Значит, в обращение добавим требования к программе переселения. Но от ремонта не откажемся.

— Конечно, — сказала Мария. — Пусть сначала докажут, что ремонт невозможен.

— Не всегда вопрос в невозможности, — возразил Адам. — Иногда он в том, что ремонт требует слишком много ресурсов, которые нужны ещё где-то.

Человек в заднем ряду рассмеялся.

— Вот оно что. А мы, значит, ресурсы расходуем зря?

Адам повернулся к нему.

— Я не сказал такого.

— Но подумали.

— Нет. Я думаю, что решение должно быть честным. Если есть варианты, их обязаны сравнить и объяснить людям. И если вариант стоит дорого, надо показать, что именно дорого и почему.

— А если мне будет некуда идти?

— Тогда программа переселения не готова.

Эти слова запомнили.

Адам это понял, когда несколько человек сразу начали записывать их в обращение.

Он собирался добавить, что порядок и условия должны проверяться по действующим правилам. Но Патрик уже подошёл с терминалом.

— Посмотри. Мы тут добавили отдельный пункт. Про независимое техническое заключение. Можно указать твою группу?

— Группа не существует как отдельная организация.

— Тогда твою службу.

— Мы не можем представлять жилищный фонд и решать за надзор.

— Мне не нужно, чтобы ты решал за них. Мне нужно, чтобы кто-то проверил расчёты, прежде чем они решат за нас.

Адам прочёл проект обращения. В отличие от заголовка в городском канале текст был осторожным: жители требовали доступа к результатам обследований, рассмотрения альтернатив реконструкции, ясных гарантий временного размещения и независимого технического анализа.

— С этим согласен, — сказал он.

Патрик облегчённо улыбнулся.

— Вот. Значит, не зря собирались.

— Только убери здесь «под руководством инженера Рахмана». Я не могу обещать полномочия, которых у меня нет.

Патрик зачеркнул фразу.

— Тогда «при участии независимых специалистов»?

— Да.

Патрик протянул терминал остальным.

— Теперь можем подписывать.

Адам посмотрел на Марию. Она стояла у стены и помога-

ла дочери надеть куртку. Девочка сердито утверждала, что справится сама.

На мгновение ему захотелось предложить что-нибудь ещё. Позвонить в жилищный фонд, лично взять под контроль каждый осмотр, найти все недостающие запчасти и гарантировать, что ребёнок не сменит школу.

Но он уже понял: желание помочь и возможность исполнить обещание — разные вещи.

* * *

Закария Хаддад не пришёл на собрание.

Адам нашёл его дома поздно вечером. Старик сидел на кухне, разложив перед собой фотографии, распечатанные на тонких листах. На ближайшем снимке молодой Закария стоял возле недостроенного жилого перехода. На другом — несколько человек в рабочих куртках ели из контейнеров прямо на полу.

— Ты сегодня не приходил, — сказал Адам.

— Знаю.

— Почему?

— Потому что я уже слышал все вопросы. А ответы ещё не готовы.

Адам сел напротив. Закария подвинул к нему чашку.

— Чай горячий. Пока ты не пришёл, я его три раза грел.

— Откуда знал, что приду?

— Ты всегда приходишь после собраний. Когда тебе там что-нибудь не удаётся.

Адам взял чашку.

— Мария Вега спросила, сможет ли её дочь остаться в той же школе.

— И ты что сказал?

— Что не могу обещать.

— Хорошо.

— Она расстроилась.

— Конечно.

— Я мог сказать что-то лучше.

Закария взял фотографию и аккуратно положил её рядом.

— В первый год здесь постоянно протекал один стык, — сказал он. — Мелочь. Не было угрозы, но мы каждую неделю меняли уплотнение. Начальство обещало, что в следующем месяце поставят новую секцию. Потом снова обещало. А люди тем временем каждое утро смотрели на пятно под потолком.

— Чем закончилось?

— Поставили новую секцию. Через два года.

— Ты хочешь сказать, что лучше ничего не обещать?

— Я хочу сказать, что людям не нужны обещания вместо правды. Даже если правда неприятная.

Адам посмотрел на фотографию.

— Это ты?

— Нет, это твой дед. Конечно я. Посмотри, какой красавец.

— Совсем себя не узнаю, — сказал Адам.

Закария засмеялся, а потом закашлялся. Адам автоматически потянулся к стакану воды. Старик махнул рукой, подождал, пока пройдёт, и продолжил:

— Я всё равно не хочу переезжать. И на следующем собрании скажу это. Но если ты однажды придёшь и объяснишь, что здесь оставаться нельзя, я предпочту услышать это от тебя. Не от человека, который не знает, где мой дом.

Адам опустил взгляд.

— А если я не смогу доказать, что нельзя?

— Тогда и не говори, что доказал.

Они посидели молча.

Снаружи, за перегородкой, кто-то громко смеялся. По коридору пробежали дети. Закария прислушался к шагам и улыбнулся.

— Когда были молодые, мы шумели хуже. Помню, соседи говорили, что построили тут убежище не от марсианской радиации, а от нас.

Адам усмехнулся.

— У тебя есть ещё фотографии?

— Полный шкаф. Только ты потом не жалуйся, что поздно ушёл.

Закария разложил новую стопку.

На одном снимке было дерево. Ещё маленькое, в пластиковом контейнере, окружённое людьми в рабочей одежде.

— Его посадили на открытии галереи, — сказал Закария. — Почти погибло в первый год. Потом выжило.

Адам вспомнил дерево во Втором Марсе.

— Там тоже посадили дерево, — произнёс он. — Девять лет назад.

— Значит, у них всё как у нас.

— Не всё.

— Конечно, не всё. У них другое дерево.

Адам засмеялся.

И впервые за последние дни не чувствовал, что должен немедленно на что-то ответить.

* * *

На следующий день пришло подтверждение: обращение жителей приняли к рассмотрению. Жилищный фонд обязался представить перечень технических обследований и правила предоставления результатов заинтересованным жильцам. Вопросы о возможном переселении передали в отдельную рабочую группу.

Патрик пришёл в технический центр сияющий.

— Видел?

— Видел.

— Начинают отвечать!

— Пока подтвердили получение.

— Всё равно лучше, чем молчать.

Он протянул Адаму сообщение с фотографией собрания. Внизу кто-то добавил подпись: «Мы остаёмся».

Адам посмотрел на лица. Некоторые он знал по именам. Других видел впервые.

— Хорошая фотография, — сказал он.

— Можно поставить в городском канале?

— Патрик, это же ваше собрание. Я там не главный.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю.

Патрик ушёл, не дожидаясь большего.

Через час Адам получил запрос от Инспекции безопасности поселений. Ему предлагали представить подробные замечания к изменённым условиям внешнего резервирования, указать источники данных и подтвердить, какие именно технические выводы он считает установленными, а какие — предварительными.

Наконец вопрос перешёл из разговоров в документы, с которыми можно было работать.

Адам открыл форму ответа.

Его первым порывом было написать, что доступность гарантированных мощностей не подтверждена и поэтому необходимо остановить дальнейшее расширение нагрузки. Но он задержал пальцы над терминалом.

Этого инспекция пока не установила.

Он исправил фразу:

«Требуется проверка совместимости действующих гарантий при одновременном возникновении указанных расчётных условий».

Добавил две редакции схем, журнал испытаний и номера договорных приложений.

Потом перечитал документ ещё раз.

Он перечитал слово «совместимости». В дверях его квартиры утром стояла девочка с рисунком дома. Если этот ответ попадёт к её родителям, они всё равно не узнают, останутся ли там жить. Но увидят хотя бы то, чего он пока не доказал.

Адам отправил ответ.

За стеной технического центра снова шумела вентиляция.

На экране высветилось уведомление от Евы:

«Привет. У нас сегодня сказали, что запуск новой линии могут перенести из-за общей проверки. Ты что-нибудь знаешь?»

Он смотрел на сообщение несколько секунд.

Потом начал писать:

«Пока решения нет. Я направил вопросы инспекции. Хочу тебе объяснить, что именно проверяют».

Удалил последнюю фразу.

Написал заново:

«Ты сегодня вечером свободна? Поговорим. Мне важно сначала выслушать тебя».

Он отправил сообщение и вернулся к техническому журналу.

На этот раз ответа пришлось ждать.

И он не стал проверять экран каждую минуту.

Глава 9. Не чужие долги

Ева Рахман узнала об отсрочке запуска не из официального сообщения.

Сначала ей позвонил мастер сборочного участка и спросил, нужно ли отменять заказ на дополнительные рабочие места. Потом Надя принесла распечатку нового производственного графика, в котором напротив их линии стоял серый прямоугольник без даты. А ещё через двадцать минут Ева увидела в городском канале сообщение:

«Расширение промышленной нагрузки может быть приостановлено до завершения межпоселенческой проверки резервов».

Под сообщением уже было сорок семь комментариев.

Ева прочитала первые три и закрыла канал.

— Кто пустил это раньше нас? — спросила она.

Надя сидела на краю рабочего стола, придерживая двумя пальцами стакан с давно остывшим чаем. Другой рукой она сворачивала на терминале расписание курса по разработке. На занятие её пока не утвердили: переход в новую группу должен был состояться после запуска линии. Но время в календаре она уже освободила.

— Я думаю, у новости выросли ноги.

— Надя.

— Координатор расширения получил предварительное

уведомление утром. Его помощник попросил отдел кадров не объявлять вакансии. Отдел кадров сообщил руководителям смен. Кто-то из руководителей написал жене.

— И жена работает в редакции городского канала?

— Нет. Она работает в столовой. Это гораздо эффективнее.

Ева опустила терминал.

— Значит, решения нет, а людей уже предупредили.

Ева открыла список кандидатов на новые смены. У троих напротив фамилий стояло «ожидает приглашения». Они ещё не были работниками кооператива, и формально никто ничего им не обещал. Ева закрыла список: от этого пустые места в графике не стали менее реальными.

— Ещё лучше. Людей предупредили, что решения нет, но оно им не понравится.

За прозрачной стеной сборочного участка работали два манипулятора. Они поочерёдно забирали детали с подающей платформы, закрепляли их в оправках и передавали на контроль геометрии. Третья машина стояла разобранной: её собирались подключить к новому циклу.

Сейчас она походила на большое насекомое с неестественно вывернутой лапой.

Ева потратила на эту машину восемь месяцев.

Не только на чертежи и испытания. На согласования, на бесконечные обсуждения энергопотребления, на попытки убедить подрядчиков изготовить детали в нужный срок. На

разговоры с людьми, которым она обещала, что новый участок наконец позволит брать более сложные заказы.

И теперь кто-то закрасил три месяца их работы серым прямоугольником.

— Я пойду к Коулу, — сказала она.

— Он на совещании.

— Подожду.

— Там Даниэль.

Ева остановилась.

— Кросс?

Надя кивнула.

— И представители совета. Судя по лицу Коула, обсуждают не новые праздничные выходные.

Ева бросила взгляд на разобранную машину.

— Прекрасно.

— Ты сначала поешь.

— Не хочу.

— Ты с утра выпила кофе и съела половину батончика.

— Это была целая половина.

Надя протянула ей пакет с лепёшкой.

— Иди спорь с сытым желудком. Так хотя бы слова будут по порядку.

Ева взяла пакет.

— Ты стала очень назойливой.

— Я планирую стать руководителем разработки. Тренируюсь.

Ева улыбнулась, но пакет так и не открыла.

* * *

Даниэль Кросс не повысил голос ни разу за всё совещание.

И от этого Ева сердилась ещё сильнее.

Он сидел за длинным столом переговорной, положив перед собой небольшой планшет. Рядом находились координатор производства Гаррет Коул, представитель городского совета Селин Уорд и ещё двое специалистов по инфраструктуре.

На стене висел производственный график.

Серый прямоугольник занимал почти весь следующий квартал.

— Мы не предлагаем отменить расширение, — говорил Даниэль. — Мы предлагаем прекратить делать вид, что у расширения нет рисков.

— У него всегда были риски, — ответила Ева.

Все посмотрели на неё.

Коул вздохнул.

— Ева, мы обсуждаем предварительный сценарий.

— Тогда почему кадровый отдел уже снял объявления?

— Потому что мы не можем обещать даты, которые, возможно, придётся переносить.

— А со мной можно было поговорить?

— Я собирался.

— После сообщения в городском канале?

Даниэль повернулся к ней.

Ему было около сорока. Он вырос на производственных объектах второго поселения и последние годы представлял интересы нескольких предприятий в совете промышленной кооперации. Ева не любила его манеру начинать каждое публичное выступление словами «я скажу то, что остальные боятся».

Но в отличие от многих других он обычно знал цифры.

— Ты права, — сказал он.

Ева ожидала спора и на мгновение растерялась.

— Что?

— Сообщать руководителю проекта об изменениях через городской канал недопустимо. Гаррет должен был поговорить с тобой раньше.

Коул прикрыл глаза.

— Благодарю, Даниэль.

— Пожалуйста. Теперь можем обсудить сам проект?

Ева села.

— Давайте.

Даниэль вывел на экран таблицу расходов.

— Для ввода вашего участка требуется не только подключение дополнительной мощности. Потребуются гарантированные условия на случай отказа местного источника. И сейчас их проверяют.

— Наш участок отключаемый, — сказала Ева. — Он не относится к критическим потребителям.

— В штатном режиме — да.

— В любом режиме, предусмотренном нашим договором.

— Именно. Вашим договором. Но вы запускаете производственный цикл, который должен выполнять обязательства перед другими предприятиями. Если при неблагоприятном сценарии вам придётся остановить его на двое суток, кто оплатит задержку?

— Мы предусмотрели резерв времени.

— На один сбой. А если инспекция потребует пересмотра целого класса режимов?

Ева посмотрела на таблицу.

— Тогда пересмотрим графики. Мы и раньше останавливали линию.

— За свои деньги?

— Не всегда.

— Вот.

Он не улыбался. И Ева неожиданно поняла, что он не собирается унижать её проект.

Ему действительно хотелось получить ответ.

— Хорошо, — сказала она. — Какой у тебя вариант?

— Отложить ввод до завершения проверки. Не связывать ещё один важный производственный контракт с системой, по которой не подтверждены все гарантии.

— То есть заморозить проект на неопределённый срок.

— Нет. Потребовать у оператора конкретный срок и конкретное заключение.

Ева повернулась к Селин.

— Инспекция дала такой срок?

— Пока нет. Предписание о корректирующих действиях готовится. До его вынесения нельзя объявлять ограничения окончательными.

— Значит, мы обсуждаем остановку проекта, которую никто не предписывал.

— Мы обсуждаем риск, — ответил Даниэль. — И должны решить, сколько готовы за него заплатить.

Ева почувствовала, что он снова увёл разговор в удобную для себя сторону.

— Ты мог прийти с расчётом и сказать: «Нужно ещё тридцать дней на проверку». Но ты предлагаешь остановить набор людей уже сейчас.

— Потому что при найме мы берём обязательства перед людьми.

— Мы берём их и тогда, когда не нанимаем. Только они нигде не записаны.

На другом конце стола Коул поднял голову.

— Ева.

— Что?

— Давай без лозунгов.

Она замолчала.

И сразу пожалела о своей последней фразе. Даниэль имел право беспокоиться о контрактах и рабочих местах. Противопоставлять его осторожность человеческим судьбам было нечестно.

Он, кажется, понял это по её лицу.

— Знаешь, сколько людей работает на предприятиях, которые я представляю? — спросил он.

— Примерно четыреста.

— Четыреста три. У некоторых ипотечные соглашения на жильё. У других дети. Мы не можем каждый раз позволять себе расширение на надежде, что всё сложится.

— Мой участок тоже создаёт рабочие места.

— Я знаю.

— Тогда не говори о нём как об игрушке.

Даниэль медленно отложил планшет.

— Я этого не говорил.

В комнате стало тихо.

Селин первой нарушила молчание:

— У нас есть два разных вопроса. Первый — можно ли технически вводить линию в эксплуатацию до окончания проверки. Второй — какие финансовые обязательства мы готовы принять, если запуск задержится. Давайте не делать вид, что ответ на первый автоматически решает второй.

Коул кивнул.

— Тогда назначим совместную техническую оценку?

— С конкретными сроками, — сказала Ева.

— С конкретными условиями, — добавил Даниэль.

Ева посмотрела на него.

— Ты ведь не против самого проекта.

— Нет.

— Тогда почему у меня ощущение, что ты пытаешься его похоронить?

Он некоторое время подбирал слова.

— Потому что ты считаешь всякую задержку поражением.

Она отвернулась к экрану.

И не смогла придумать ответ, который не прозвучал бы обиженно.

* * *

После совещания Надя нашла Еву в маленькой комнате отдыха за производственным залом.

Та сидела перед нетронутой лепёшкой.

— Сколько людей ты сегодня убила взглядом? — спросила Надя.

— Двух. Один выжил.

— Значит, Даниэль?

— Он даже не понял, что мы ссоримся.

Надя села рядом.

— Понял. Он потом спрашивал, можно ли получить от тебя график запуска без эмоциональных комментариев.

— Я ему дам график.

— Я сказала, что ты сначала закончишь есть.

Ева посмотрела на пакет.

— Перестань.

Надя помолчала.

Потом достала собственный терминал и положила его на стол.

На экране было письмо.

Ева пробежала глазами первые строки.

— Ты подала заявку?

— В отдел разработки. Позавчера.

— Почему не сказала?

— Хотела сначала пройти отбор.

— И?

— Они готовы провести собеседование. Но набор привязан к запуску нашей линии. Без неё должность не утвердят.

Ева снова прочитала письмо.

В нём ничего не говорилось об отмене. Только о переносе решения до подтверждения бюджета.

— Это пока не отказ, — сказала она.

— Знаю.

— Я могу поговорить с Коулом.

— Не надо.

— Почему?

Надя убрала терминал.

— Потому что я хочу попасть туда за то, что умею, а не потому, что ты поговорила.

— Ты и попадёшь за то, что умеешь.

— Тогда пусть меня оценят. Когда появится должность.

Ева открыла рот, но Надя продолжила:

— Мне обидно, конечно. Я уже представила, что перестану чинить один и тот же сортировщик. Но я не прошу тебя сейчас бежать к Кроссу и доказывать ему, что он разрушил

моё будущее.

— Он действительно тормозит запуск.

— А если завтра выяснится, что у нас нет денег поддерживать новый участок? Ты хочешь, чтобы я уволилась из цеха, перешла на новую должность, а через три месяца мне сказали возвращаться?

Ева посмотрела на подругу.

— Ты теперь тоже на его стороне?

Надя вздохнула.

— Я на стороне человека, которому потом придётся жить с последствиями. Сегодня это я.

Ева откинулась на спинку стула.

Ей захотелось сказать, что именно ради таких людей она и работает. Но слова казались подозрительно похожими на те, которыми Даниэль только что защищал свои четыреста три рабочих места.

Надя коснулась её локтя.

— Я знаю, сколько ты вложила в линию.

— Не только я.

— Знаю. Поэтому не пытайся спасти её одним криком. Она хорошая. Докажи, что её можно запускать.

Ева посмотрела на лепёшку.

— Холодная.

— Давно.

— Ты не могла принести новую?

— Могла. Но мне нравится наблюдать, как ты страдаешь.

Ева рассмеялась. Совсем немного, но впервые за день искренне.

Она развернула пакет.

* * *

Вечером городской совет проводил открытое обсуждение производственной программы.

Формально речь шла о корректировке ближайшего квартального бюджета. На деле все пришли поговорить об одном: не заставит ли расследование первого города второй отказаться от собственного развития.

В общественном зале собралось больше людей, чем ожидала Ева. Работники промышленных предприятий, преподаватели, несколько владельцев маленьких мастерских. В задних рядах сидели молодые родители, у которых, судя по всему, не нашлось возможности оставить детей дома.

Ева заметила женщину с ребёнком на коленях. Мальчик пытался снять с её запястья часы, а она продолжала внимательно слушать выступающих, иногда придерживая его ладонь.

На экране появилась сводка.

Текущий бюджет. Отложенные проекты. Резервные расходы. Предложения промышленных объединений.

Один из членов совета объяснял, что межпоселенческая проверка пока не установила нарушения, однако дальнейшее расширение нагрузки требует технических подтверждений.

Затем слово дали жителям.

Первым выступил мужчина из транспортной службы.

— Я не понимаю, — сказал он. — Мы столько лет платим за свою инфраструктуру. Почему теперь должны ждать из-за того, что в первом городе кто-то не проверил старые документы?

Ева напряглась.

Председатель попросил уточнить вопрос.

— Я хочу знать, кто возместит задержку. Второй город? Корпорация? Первый?

Ответить взялся представитель финансовой комиссии.

Он начал объяснять порядок распределения общих расходов.

Мужчина дослушал и покачал головой.

— Простите, я спросил не о порядке. Я спросил, кто заплатит.

В зале раздались одобрительные голоса.

Потом поднялась женщина, работавшая в городской школе.

— Здесь говорят, что мы должны стать самостоятельнее. Но при этом каждый раз, когда что-то случается в первом городе, у нас останавливаются проекты. Когда это закончится?

Наконец слово получил Даниэль.

Он вышел без планшета.

Ева знала его привычку: документы он показывал только тогда, когда хотел, чтобы спорили с цифрами. Если не показывал, значит, собирался говорить о вещах, которые цифра-

ми не исчерпываются.

— Я родился здесь, когда это ещё называли промышленным комплексом, — начал он. — И прекрасно помню, как наши родители радовались первой нормальной жилой галерее. Сейчас у нас школа, медицинский центр, производство, семьи. Мы многое построили сами.

Несколько человек закивали.

— Но мы всё ещё слишком часто говорим о себе как о приложении к первому городу. Он большой, у него больше жителей, у него история. Это правда. Только наша история не становится менее важной оттого, что она короче.

Ева слушала.

До этого момента ей хотелось спорить.

Теперь — нет.

— Я не предлагаю отказать первому городу в помощи, — продолжил Даниэль. — Общие системы нужны обоим поселениям. Если обнаружена проблема с резервированием, её следует устранить. Но мы не должны подписывать неопределённые обязательства оплачивать чужую реконструкцию за счёт новых рабочих мест здесь.

Он выдержал паузу.

— Я хочу, чтобы у нас было право сказать: «Мы поможем. Но сначала покажите договор, расчёт и срок».

Аплодисменты начались не сразу, зато оказались громкими.

Ева смотрела на людей.

На учительницу, которая хлопала, удерживая терминал под мышкой. На мужчину из транспортной службы. На женщину с ребёнком, которая не могла хлопать обеими руками и поэтому стучала пальцами по колену.

Они не выглядели эгоистами.

Они боялись, что за них снова примут решение.

Это было знакомое чувство.

Ева неожиданно поняла, почему Даниэль так легко собирал поддержку.

Он говорил людям не о том, кто заслуживает больше воздуха.

Он говорил о праве отвечать за собственное будущее.

* * *

Когда председатель объявил вопросы, Ева подняла руку.

Даниэль заметил её и почти незаметно улыбнулся. Вероятно, ожидал атаки.

— Я руководитель группы автоматизации нового сборочного участка, — начала Ева. — Наш запуск зависит от решения по общим мощностям. И я тоже считаю, что никто не должен обещать расходы или ограничения без точного расчёта.

Она увидела, как Даниэль слегка выпрямился.

— Но есть проблема. Мы обсуждаем, что первый город может потребовать от нас, ещё до того, как инспекция закончила проверку. И обсуждаем, что нам нельзя отдавать. А никто не спросил, какие решения могут быть выгодны обоим

городам.

В зале стало тише.

— Мы производим компоненты, которые первый город не может выпускать с такой же точностью и скоростью. Первый город, в свою очередь, обслуживает часть тяжёлого оборудования, которое нам было бы слишком дорого дублировать. Если мы остановим все совместные программы, зависимость никуда не исчезнет. Она просто станет хуже организована.

Женщина из школы подняла руку.

— Так вы предлагаете нам заплатить за их ремонт?

— Нет. Я предлагаю сначала посчитать, какие работы действительно нужны, кто обязан их финансировать и что мы можем сделать в пределах действующих контрактов.

Даниэль взял слово с разрешения председателя.

— Это звучит разумно. Но пока у тебя нет такого расчёта.

— Верно, — ответила Ева. — И у тебя нет.

В зале кто-то негромко засмеялся.

Даниэль выдержал её взгляд.

— Согласен.

Она не ожидала этого второй раз за день.

— Тогда давай получим, — сказала Ева. — Вместо того чтобы уже сейчас объявлять, что любая помощь первому городу оплачивается за наш счёт.

Даниэль немного помолчал.

— При одном условии.

— Каком?

— Мы не будем считать проект выгодным только потому, что он твой.

Ева почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Но на этот раз удержалась.

— И не будем считать его опасным только потому, что он новый.

Председатель наклонился к микрофону.

— Предлагаю зафиксировать предложение о совместной технико-экономической оценке. Без принятия обязательств по финансированию до завершения проверки.

Голосовали только члены совета. Большинством предложение поддержали.

Это не открывало Еве финансирование.

Не отменяло отсрочку.

Не означало, что её участок заработает в нужный день.

Но теперь спор хотя бы получил форму задачи, на которую можно было искать ответ.

После заседания Даниэль подошёл к ней у выхода.

— Сегодня ты выступила лучше, чем утром.

Ева посмотрела на него.

— А ты утром был неприятнее, чем вечером.

— Вечер ещё не закончился.

Она почти улыбнулась.

Он протянул терминал.

— Здесь наши расчёты по возможным потерям от остановки предприятий. Не весь пакет. Часть коммерческая. Но

достаточно, чтобы начать оценку.

Ева приняла файл.

— Почему ты мне его даёшь?

— Потому что ты права в одном. Нельзя просить всех быть ответственными и при этом не показывать, на чём основаны наши требования.

— Только в одном?

— Не порть момент.

Она открыла таблицу.

— Ты понимаешь, что наши цифры могут не совпасть?

— Было бы подозрительно, если бы совпали сразу.

Даниэль попрощался и ушёл.

Ева ещё долго стояла у стены с открытым документом.

* * *

Домой она вернулась поздно.

Надя оставила на столе еду и короткую записку: «Если опять забудешь поесть, я сообщу твоему отцу, что ты не умеешь пользоваться кухней».

Ева положила сумку на пол, разогрела ужин и наконец открыла сообщение Адама, которое не успела прочитать после собрания жителей первого города.

«Ты сегодня вечером свободна? Поговорим. Мне важно сначала выслушать тебя».

Она перечитала последнюю фразу.

Отец редко так писал.

Обычно предлагал решение ещё до того, как она успевала

закончить объяснение проблемы.

Ева набрала:

«Сегодня было собрание. У нас все считают, что первый город собирается чинить свои дома за наш счёт».

Она помедлила и добавила:

«Я так не считаю. Но я больше не уверена, что понимаю, чего именно вы добиваетесь».

Ответ пришёл спустя несколько минут.

«Чтобы гарантии, за которые люди платили, действительно существовали. И чтобы мы не принимали решений, не зная последствий».

Ева посмотрела на экран.

Хорошие слова.

Она могла бы сама произнести их на вечернем заседании.

И всё же за этими словами у них с отцом стояли разные люди, разные дома и разные потери.

«У нас тоже люди платили», — написала она.

Потом стёрла.

Адам знал это. По крайней мере должен был знать.

Вместо этого она отправила:

«Я хочу показать тебе наши производственные расчёты. Только без лекции о том, что я неправильно расставила приоритеты».

Он ответил:

«Постараюсь».

Ева улыбнулась.

«Это не обещание».

«Я научился осторожнее обращаться с обещаниями».

Она некоторое время смотрела на эту фразу.

В ней было что-то странное. Что-то, чего Адам раньше не написал бы.

Ева решила позвонить, но увидела время и не стала.

Поставила терминал рядом с тарелкой, открыла присланную Даниэлем таблицу и начала сравнивать её со своим производственным графиком.

Через полчаса она нашла первое место, где расчёты расходились.

Даниэль учитывал полную стоимость задержки нового участка.

Но часть этих расходов возникала только в том случае, если предприятие не могло временно выполнить некоторые заказы на существующих линиях.

А существующие линии могли.

Не все заказы. Не сразу. С дополнительными сменами и дополнительными затратами.

Но могли.

Ева открыла блокнот.

На первой странице написала:

«Не спорить о том, кто кому должен. Сначала узнать, что действительно невозможно».

Потом подумала и зачеркнула слово «невозможно».

Вместо него написала:

«Что дорого. Для кого. И почему».

Ева перенесла в отдельный лист заказы, которые действующие линии могли взять на себя до запуска новой. Рядом оставила свободные клетки для стоимости дополнительных смен. Утром она покажет эту таблицу Даниэлю — без слов о том, кто из них прав.

Глава 10. Два адреса

Мария Вега не любила людей, которые приходили к ней домой с планшетами.

Они всегда просили подождать. Подождать, пока система примет заявление. Пока подтвердят запись. Пока кто-нибудь решит, относится ли её случай к общему порядку или к исключениям.

Сегодня пришли трое: женщина в светлой форме жилищного фонда, молодой техник с чемоданчиком и инженер, назвавшаяся Лусией Чен. На плечах у неё была потертая рабочая сумка, а на рукаве — знак независимой службы обследования конструкций.

Мария открыла дверь настолько широко, насколько позволял оставленный рядом шкаф.

— Вам нужно будет его отодвинуть, — сказала Лусия, посмотрев на шкаф.

Мария почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Нам уже писали. Мы отодвинули на двадцать сантиметров.

— Нужно сорок. Там контрольная панель.

— Папа поставил его здесь. Он тяжёлый.

На внутренней стороне дверцы осталась метка карандашом — рост Сары в пять лет. Омар однажды предложил перенести метку на стену, но Мария отказалась: стену могли

снова перекрасить.

Лусия задержала взгляд на Марии. Не на шкафу — именно на ней.

— Мы сами передвинем. Сначала я скажу, что будем делать. А вы решите, удобно ли вам сейчас.

От неожиданности Мария не сразу нашлась с ответом.

Омар появился из кухни, вытирая руки полотенцем.

— Я освобожу проход, — сказал он.

В комнате за его спиной сидела Сара. Она успела разложить на полу фишки своей игры и теперь наблюдала за чужими людьми, не поднимаясь с ковра.

— Мы ненадолго, — пообещала сотрудница жилищного фонда. — Обычно осмотр занимает двадцать минут.

— Обычно, — повторила Мария.

Лусия поставила сумку на пол.

— Я не буду обещать двадцать. Если прибор покажет что-то непонятное, придётся задержаться.

Сотрудница фонда кашлянула. Техник сделал вид, что рассматривает крепление сумки.

— Вы можете начать, — сказал Омар.

* * *

Адам Рахман приехал в шестнадцатый сектор за час до назначенного времени.

Лина настояла, чтобы он присутствовал только при обсуждении инженерных зависимостей, а не при обследовании жилых конструкций. Несущие соединения и герметич-

ные оболочки были областью другой группы специалистов. Адам понимал это, но всё равно хотел увидеть, как именно устроен процесс, о котором жители спрашивали его уже вторую неделю.

В коридоре пахло свежим чистящим раствором. За одной из дверей играла музыка; кто-то на другом конце перехода сердился на автомат доставки, потому что тот привёз чужой заказ.

Над дверью квартиры Марии горел зелёный индикатор.

Адам задержался перед ним.

Зелёный означал, что система поддерживает безопасные условия. Ничего больше. Не означал, что конструкции прослужат ещё двадцать лет, что людям сохранят прежний адрес или что в бюджете найдутся деньги на реконструкцию.

Он раньше никогда не думал, сколько лишнего жители могут прочитать в таком простом огоньке.

Дверь открыла Мария.

— Вы пришли, — сказала она.

Тон был сухим, но Адам услышал в нём и облегчение.

— Я обещал передать ваши вопросы группе. Лусия пригласила меня на заключительную часть осмотра.

— А сам осмотр вы уже пропустили.

— Да. Это не моя специальность.

Мария отступила в сторону.

— Проходите. Только осторожнее, у нас теперь шкаф посреди комнаты.

Шкаф действительно стоял почти на середине помещения. Омар удерживал одну створку, чтобы та не распахнулась, пока техник проверял узкий участок стены за мебелью.

Сара сидела за столом с карандашами.

Увидев Адама, она подняла лист.

— Я нашла хороший корабль.

На рисунке появилась машина с двумя широкими крыльями и огромным окном.

— Серьёзное улучшение, — сказал Адам.

— У прошлого крыло отпало.

— Тогда новый уже надёжнее.

Лусия поднялась с колен. На её терминале светилась схема соединения двух модульных секций.

— Господин Рахман? Лусия Чен. Нам сообщили, что вы интересуетесь инженерными условиями временного размещения.

— И возможностью продолжить эксплуатацию после ремонта, если он потребуется.

— Это отдельный вопрос. Пока мы не знаем, потребуется ли он здесь.

Она показала на контрольную панель.

— Мы сравниваем состояние узлов с архивными замерами. Часть участков можно обследовать без вскрытия облицовки. Часть — нет. Сегодня я не собираюсь объявлять дом ни исправным на годы вперёд, ни непригодным.

Мария вдруг спросила:

— А когда сможете?

Лусия посмотрела на календарь.

— Первичный отчёт — в течение недели. Если понадобится дополнительная проверка соединения за облицовкой, дату будем согласовывать отдельно. Решение по зданию принимается не одним измерением и не мной единолично.

— А вас не просят сразу сказать, что дешевле нас переселить?

В комнате стало тихо.

Техник закрыл чемоданчик.

Лусия ответила не сразу.

— Меня просят установить техническое состояние. Экономическую оценку делает другая группа. Если кто-то попросит меня вместо измерений написать удобный вывод, я откажусь.

Мария кивнула, хотя по лицу было видно: одной фразы ей недостаточно.

Она достала из кармана карточку с двумя адресами.

— В фонде мне предложили посмотреть вот этот модуль. Если мы согласимся, это будет считаться нашим решением переехать?

Сотрудница жилищного фонда, Элизабет Грант, взяла карточку.

— Нет. Это предложение ознакомиться с вариантом временного размещения. Осмотр квартиры сам по себе не означает согласия на переезд.

— А если мы откажемся смотреть?

— Не потеряете права на консультацию.

— Можно это письменно?

Элизабет замешкалась.

— Такая информация есть в общем порядке.

— Я читала общий порядок. Там четырнадцать страниц. Вы мне сейчас сказали две фразы. Я хочу их письменно.

Мария произнесла последнюю фразу тише предыдущих. Перед ней лежала не жалоба на службу, а попытка получить один ответ, который можно будет показать Омару и матери, не пересказывая на свой страх и риск.

Адам взглянул на Омара. Тот стоял у шкафа с рукой на створке, будто боялся, что если отпустит её, весь разговор рухнет вместе с содержимым.

— Давайте оформим индивидуальное подтверждение, — сказал он Элизабет. — Без выводов за жилищный фонд с моей стороны. Просто письменный ответ на конкретный вопрос.

— Это можно, — быстро произнесла Лусия. — Я приложу его к протоколу посещения.

Элизабет посмотрела на них обоих и кивнула.

— Хорошо. Подготовлю сегодня.

Мария впервые за всё утро села.

— Спасибо.

Сара подошла к шкафу и заглянула за него.

— А там есть дырка?

— Там есть панель, — ответила Лусия.

— А если дырка будет, воздух уйдёт?

Омар поставил дверцу на защёлку.

— Сара, иди рисуй.

— Я просто спросила.

Лусия присела перед девочкой.

— Поэтому мы и проверяем стены. Если что-то нужно починить, лучше узнать об этом заранее. Сейчас в вашей комнате воздух в порядке.

— А завтра?

— Завтра мы тоже будем за ним следить.

Сара подумала.

— Это как зубы?

— Почти.

— Мне один вылечили. Было неприятно.

— Мне тоже однажды.

Сара удовлетворённо вернулась к рисунку.

Взрослые остались молчать — каждый по своей причине.

* * *

После осмотра Адам шёл с Лусией по узкому переходу к техническому узлу.

— Вы легко нашли общий язык с ребёнком, — сказал он.

— Она задавала вопросы, на которые можно ответить.

— На остальные тоже можно.

— Можно. Только иногда людям нужен не ответ, а гарантия. А гарантия требует того, чего у нас ещё нет.

Они остановились у смотрового люка. Лусия запросила архив измерений шестнадцатого сектора.

— Смотрите, — сказала она.

На экране появились кривые деформаций нескольких соединений. Изменения были невелики, но в одном месте архивные данные имели пропуск.

— Это опасно? — спросил Адам.

— Сам пропуск? Нет. Он означает, что мы не можем уверенно восстановить историю этого узла. Последний подробный контроль здесь был проведён до замены внутренней облицовки.

— Значит, нужны новые измерения.

— Возможно, доступ к несущему соединению. А для этого придётся освободить соседнее помещение и временно изменить режим эксплуатации части галереи.

Адам взглянул на обозначение соседнего помещения.

— Это медицинский кабинет.

— Да.

— Там постоянно принимают людей.

— Вот поэтому мы и обсуждаем последовательность, а не назначаем вскрытие на завтра.

Они некоторое время молчали.

— По данным жилого фонда, — сказал Адам, — людей уже приглашают смотреть новые квартиры.

— Хорошо, если это подготовка вариантов. Плохо, если варианты постепенно начинают выдавать за решение.

— Вы думаете, так и происходит?

— Я думаю, что у любой большой организации есть привычка начинать следующий шаг до того, как закончился предыдущий. Иногда она полезна. Иногда — нет.

Лусия закрыла схему.

— Ваш старый резервный контур тут не поможет.

Адам повернулся к ней.

— Почему?

— Вы ведь его рассматриваете? Лина Морено прислала предварительное описание. Даже если восстановите, он не позволит мне осмотреть скрытое соединение без вскрытия. А если выяснится, что требуется замена секции, дополнительная энергия не сделает конструкцию новой.

— Я это понимаю.

— Тогда говорите так и жителям.

Он хотел возразить, что уже говорил. Но вспомнил, сколько раз Мария спрашивала об адресах, а не о мегаваттах.

— Скажу, — ответил он.

* * *

В жилищном фонде всё оказалось сложнее, чем у Марии на кухне.

На стене приёмной висела схема доступного временного жилья. Зелёными были отмечены свободные квартиры. Жёлтыми — требующие подготовки. Серые точки означали помещения, которые ещё не прошли проверку.

Адам смотрел на карту, пока Элизабет Грант искала кар-

точку Марии и Омара.

— Вы ей обещали сегодня письменный ответ, — напомнил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.